
Р. МАНН

Независимый исследователь,
Хогтаун, США

Trimmer of Tales? Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище»

РЕЗЮМЕ

Редкий текст «Сказания о Мамаевом побоище», изданный Н. Г. Головиным в 1835 г. и игнорируемый учеными в течение двух столетий, может принадлежать самой ранней из известных редакций «Сказания». Подробное сравнение текстов доказывает первичность головинской редакции по отношению к текстам так называемой «Основной редакции». Ряд «новых» параллелей с формулировками «Слова о полку Игореве» отражает близость произведения к устно-эпической традиции XII—XIII вв. и бросает свет на историю всех памятников Куликовского цикла.

Ключевые слова: «Сказание о Мамаевом побоище», Куликовский цикл, «Задонщина», «Слово о полку Игореве», Н. Г. Головин.

Robert Mann (independent researcher, Hometown, USA). Trimmer of Tales? The Basic Redaction of *The Tale of the Great Battle with Mamai*

ABSTRACT

This article argues that the rare version of *The Tale of the Great Battle with Mamai* that was published by Nikolai G. Golovin in 1835 belongs to the earliest known redaction of that narrative. This old publication, however, was ignored by scholars for two centuries. A careful comparison shows the primacy of the Golovin redaction in relation to the texts of the so-called basic redaction. A number of newly revealed parallel formulations in the Golovin text and *The Tale of Igor's Campaign* indicate that the Golovin redaction is closer to the epic tradition of the twelfth and thirteenth centuries than those texts. Moreover, these parallels cast light on the history of all the texts of the Kulikovo cycle.

Keywords: The Tale of the Great Battle with Mamai, Kulikovo cycle, Zadonshchina, The Tale of Igor's Campaign, Nikolai G. Golovin.

В недавнем своем исследовании Л. В. Соколова пересматривает постулат, изложенный Л. А. Дмитриевым по поводу изучения различных редакций «Сказания о Мамаевом побоище» (далее — Сказание). Л. А. Дмитриев писал, что те пассажи, которые являются общими для «Задонщины» и всех редакций Сказания, восходят к первоначальному авторскому тексту Сказания: «Бесспорно, что общий для различных редакций и вариантов Сказания текст, совпадающий с Задонщиной, входил уже в первоначальный вид Сказания».¹

¹ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Сказания и повести о Куликовской битве / Ред. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 392.

Л. В. Соколова разбирает одиннадцать пассажей, взятых, по мнению Л. А. Дмитриева, из «Задонщины», и пытается отличить пассажи, восходящие к авторскому тексту Сказания, от вставок, привнесенных авторами последующих редакций. Она приходит к заключению, что рассматриваемые ею пассажи, вопреки мнению Л. А. Дмитриева, не входили в авторский текст Сказания, а являются дополнениями, вставленными позже, в первую очередь в так называемую «Основную редакцию». Ее вывод ставит под вопрос общепринятое мнение исследователей, будто «Задонщина» была написана до возникновения Сказания.² Л. А. Дмитриев и Л. В. Соколова согласны в том, что «Основная редакция» ближе всех к первоначальному тексту Сказания.

Однако любая попытка проследить историю Сказания будет недостаточной, если не обратить внимания на ценнейшее свидетельство о его первоначальном виде — текст Сказания, изданный Н. Г. Головиным в 1835 г. Редкая книжка Н. Г. Головина, не замеченная и игнорируемая исследователями, представляет собой публикацию списка, относящегося к древнейшей редакции памятника, и близко отражает его первоначальный текст.³

В своем издании 1835 г. Н. Г. Головин не привел никаких данных ни об источнике, ни об обстоятельствах его приобретения. Страстный коллекционер древностей, Головин, по всей видимости, издал текст просто как любопытный памятник старины. Вопрос о взаимоотношении редакций мало кого в то время интересовал, а в немногих отзывах о публикации Головина выражалось недоумение: зачем издавать такой текст? Ведь уже была издана в 1829 г. более детальная версия Сказания — к чему этот краткий текст?

Насколько мне известно, уцелело только четыре экземпляра этого издания в коллекциях Москвы, Санкт-Петербурга и Хотонской библиотеки при Гарвардском университете. В заглавии Н. Г. Головин относит рукопись к XV в. Текст был переиздан издательством Berkeley Slavic Specialties вместе с комментарием.⁴ Это наиболее простая и связная повесть из всех редакций Сказания. Последующие редакции перегружены громоздкими вставками религиозного характера.

Список Головина содержит пять ранее не замеченных параллелей к формулировкам «Слова о полку Игореве». Точнее, одну из них («лисицы на червленныи щиты брещуть») обнаружил О. В. Творогов в ходе работы над статьей о Головине для «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», но других четырех параллелей он не заметил и вообще не воспринял, какое большое значение имеет список Головина для изучения памятников Куликовского цикла. До краткой статьи О. В. Творогова никто не обращал внимания на книжку Н. Г. Головина, а сам исследователь пришел к выводу, что опублико-

² См.: Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101—121. См. также: Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 385—439.

³ Сказание о побоище великого князя Димитрия Иоанновича Донского с нечестивым царем Мамаем и с бесчисленными татарами на Дону, на реке Непрядве, на поле Куликове, 1380 года 8-го сентября. Сочинение XV столетия издал Николай Головин. М., 1835.

⁴ См.: Манн Р. Сказание о Мамаевом побоище: Забытый список Николая Головина // Monuments of Early Russian Literature. Berkeley, 2009. No. 8. P. 81—100.

ванный в ней текст — всего лишь сокращение Печатного варианта «Основной редакции».⁵

В нашей статье «головинская редакция», отраженная в списке Н. Г. Головина, обозначается сокращенно буквой «Г». Печатный вариант редакции, которую принято называть Основной, назван Снегиревской редакцией, или сокращенно «С», так как она вовсе не является основной. «Основную» редакцию без списков С назову Дмитриевской редакцией в честь Л. А. Дмитриева (сокращенно «Д»). Итак, речь пойдет о трех версиях текста Сказания: редакции Головина (Г), редакции Снегирева (С) и редакции Дмитриева (Д).⁶ Буду ссылаться большей частью на два списка редакции С: список Тимковского (в сокращении С-Тимк) и список XVIII в. РНБ, F.IV.228 (в сокращении С-РНБ), хранящийся в Российской национальной библиотеке. Списки редакции С наиболее близки редакции Головина и отражают одну из ранних редакций Сказания.

Не стану повторять всю мою аргументацию в пользу первичности редакции Г.⁷ Зато, чтобы читатель лучше понимал мою точку зрения, следует повторить некоторые из моих неортодоксальных взглядов по отношению к памятникам Куликовского цикла. Во-первых, «Слово о полку Игореве» представляет собой текст эпической песни, записанный в XIII в. «Задонщина» тоже состоит в первую очередь из мотивов эпической песни о Куликовской битве. «Задонщина» проходила ряд этапов редактирования, а ее окончание

⁵ О. В. Творогов писал: «Издание содержит древнерусский текст „Сказания о Мамаевом побоище“ — сильно сокращенный вариант его Печатной редакции» (см.: Творогов О. В. Головин Николай Гаврилович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2: Г—И. С. 39—40). См. также: Снегирев И. Сказание о побоище великого князя Димитрия Иоанновича Донского // Русский зритель. СПб., 1829. Ч. 5. С. 3—67. Фрагмент Сказания публиковался в 1810 г. (см.: Русский вестник. СПб., 1810. № 3 (март). С. 1—31). Текст издания И. Снегирева 1829 г. был переиздан в 1838 г. с разночтениями по другим спискам (см.: Снегирев И. Поведание и сказание о побоище великого князя Димитрия Донского, Слово о житии и преставлении его, и Слово о полку Игореве. М., 1838. (Русский исторический сборник; Т. 3, кн. 1)). Публикация 1838 г. переиздана в монографии: Mann P. «Сказание о Мамаевом побоище»: Забытый список Николая Головина // Monuments of Early Russian Literature. Berkeley, 2009. Vol. 8. P. 101—167. Основной текст для издания Снегирева — повесть, списанная Н. Н. Сандуновым и отмеченная Р. Ф. Тимковским. Буду ссылаться на этот список сокращенно: С-Тимк. Издание 1838 г. включает разночтения из четырех других списков. В этом исследовании Печатная группа той редакции, которую принято называть Основной, называется Снегиревской редакцией (С). Все цитаты из С беру из публикации И. Снегирева 1838 г., за исключением некоторых, взятых из списка, опубликованного в изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 103—127. Список XVIII в. хранится в коллекции РНБ (F.IV.228). Цитаты из этого списка отмечаются сокращением С-РНБ. Л. А. Дмитриев дает перечень списков «Печатного варианта» (кажется, неполный). См.: Дмитриев Л. А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 458—462. Сборник, в котором Р. Ф. Тимковский и Н. Н. Сандунов нашли список Сказания, потерялся (см.: Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. С. 490—491).

⁶ Спорный вопрос, являются ли «Печатная группа» и «Основная редакция» (группы О и У по номенклатуре Л. А. Дмитриева) отдельными редакциями. Ведь цель переработки текста мало в чем изменялась, но С и Д отражают два различных этапа с большим значением для истории памятника. Отказ от старой терминологии способствует более внятному обсуждению текстов.

⁷ См.: Mann R. 1) The Forgotten Text of Nikolai Golovin: New Light on the Igor Tale // Oral Tradition. 2011. No 26/1. P. 145—158; 2) The Silent Debate Over the Igor Tale // Oral Tradition. 2016. No 30/1. P. 53—94; 3) «Головинская» редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и ее значение для памятников Куликовского цикла // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 278—304; 4) Essays on the Igor Tale and Works of the Kulikovo Cycle (электронное издание, Amazon Kindle); 5) Песнь о полку Игореве: Новые открытия. М., 2009.

в уцелевших списках — сведения о бегстве и кончине Мамаю — добавление, которое заменило окончание, близкое по форме и содержанию к концовке «Слова о полку Игореве». И «Задонщина», и Сказание пересказывают историю битвы 1380 г., однако в «Задонщине» очевидна попытка воспроизвести повествование устного эпоса, тогда как авторы Сказания пишут намного более прозаическую историю, то и дело используя устно-эпические мотивы в качестве поэтического орнамента — отзвука боевого духа устного эпоса.

Гипотеза О. В. Творогова, заключающаяся в том, что список Головина является лишь сокращением С, влечет за собой целый ряд загадок и невероятностей. Такое сокращение подразумевает чуть ли не антиклерикального редактора, который систематически устранил более чем половину религиозного содержания редакции С, посчитав всё это «излишним богомольем». По своему духу и направлению Г ближе подходит к устно-эпическим произведениям, которые отражаются в «Задонщине». Хотя текст Головина имеет намного больше религиозного материала, чем «Задонщина», он, по сути, посвящен празднованию и увековечению национальной победы над татарами. По функции он близок к устному эпосу. Однако авторы С превращают Г в сугубо религиозный комментарий, дополнив изложение тяжелым грузом молитв, цитат из Священного Писания и сравнений из библейской истории. Содержание становится по преимуществу религиозно-назидательным. Авторы стремятся расширить прежние национальные рамки, чтобы охватить всё христианство. Формулы типа «за землю Русскую» сокращаются или дополняются формулировками вроде «за христианство»:

- 1) «како возвыси Господь Русскую землю» (Г), ср.: «како возвыси Господь род христианский» (С-Тимк, с. 1);
- 2) «подвизайтесь, други, за Русскую землю!» (Г), ср.: «Отцы и братия, Господа ради, подвизайтесь и святых ради церкви и вѣры крестьянския!» (С-Тимк, с. 49);
- 3) «и наusti разорити православную вѣру» (Г), ср.: «и наusti его разорити православную вѣру всему христианству, да не славится в нихъ имя Господне в людѣхъ тѣхъ» (С-Тимк, с. 2);
- 4) «готови умерети и главы своя сложити за святую вѣру, за землю Русскую» (Г), ср.: «не пощадимъ живота своего за вѣру христианскую и за святыя церкви, за землю Русскую!» (С-Тимк, с. 23);
- 5) «необоримая туга належитъ великому князю Московскому» (Г), ср.: «при-туга великому князю Московскому и всему православному христианству» (С-РНБ, с. 114);
- 6) «потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ!» (Г), ср.: «Держайте, братие и друзи, сила бо Святаго Духа помогает нам!» (С-Тимк, с. 59).

Получив вѣсть о предстоящем нападении татарского войска, Дмитрий Иванович в Г едет к Сергию Радонежскому, а потом идет в храм Архангела Михаила, покровителя воинов. Всё это он делает в соответствии с военным протоколом. Набожные авторы С, однако, вставляют в повествование Г странное изложение молитв и встреч великого князя с митрополитом Киприаном, который ни разу не упоминается в Г. Повесть о торжестве над врагом превращается в урок христианской покорности. Точки зрения авторов С и Г заметно различаются. В С духовная поддержка Киприана и святых чуть ли не затмевает доблесть и самопожертвование Дмитрия и его войска. Тон повест-

ования становится более пацифистским и сентиментальным. В Г Дмитрий ни разу не плачет, тогда как в С великий князь плачет на каждом шагу. В Г его войско ждет не дождется начала битвы, а зловещий вой волков и граянье ворон подкрепляет их мужество: «храбрым же полком сердца утверждают». Описание этих примет в Г заканчивается подтверждением радостного предвкушения боя у московского войска: «И возрадовашея русские удалыцы, зря своего желаннаго подвига». И так, Г дает картину однозначного мужества и радости перед битвой, тогда как С добавляет нотку диссонанса. С повторяет утверждение Г, что вой волков и карканье ворон только подбадривают войско, но затем вдруг, вместо заключительных слов о радостном настроении воинов, объясняет, что оба войска опечалены мыслью о предстоящем кровопролитии: «И мнози от обоих стран унывають, видяще пред очима смерть».⁸ В редакции С чувствительность скромного монаха вторгается в более боевое, одномерное повествование Г. Авторы С имеют своей целью пропагандирование христианских ценностей — скромной покорности Божьей воле и миролюбия. По своему тону и духу Г ближе к устно-эпической традиции, вдохновившей создателей «Задонщины». По своему тону редакция С сложнее и более противоречива.

В С митрополит Киприан советует Дмитрию задобрить Мамаю данью, и великий князь принимает меры, чтобы Мамаю отвезли крупный груз золота. По идее, этот поступок рассчитан на то, чтобы подчеркнуть христианское миротворчество Дмитрия. В Г нет такой попытки подкупа татарского вождя, как и вообще нет ни одного упоминания о Киприане. Предположить, что какой-нибудь редактор взялся за С и систематически убрал молитвы, библейские аналогии и встречи с митрополитом, — нелепо.

Повествование в С ведется на большем расстоянии от описываемых событий. Это отражается в более подробной манере представления Мамаю:

«Попущением Божиим отъ восточныя страны воздвигся царь Мамай, христианский ненавистникъ и укоритель...» (Г), ср.: «Лѣта же того попущением Божиимъ отъ научения диавола воздвигся царь отъ восточныя страны именемъ Мамай, еллинъ сы родомъ, вѣроу идоложрецъ, иконоборецъ злый, христианский ненавистникъ и укоритель» (С-Тимк, с. 1—2).

Митрополит Киприан полностью отсутствует в Г, тогда как в С Дмитрий Иванович встречается с ним четыре раза перед битвой.⁹ Киприан был в длительном конфликте с великим князем и вряд ли находился в то время в Москве. Его видная роль в послегололовинских редакциях Сказания с большой вероятностью является анахронизмом. Своим молчанием о Киприане редакция Г, созданная ближе к событиям 1380 г., более правдоподобна.¹⁰ Один из списков «Задонщины» упоминает св. Сергия Радонежского и покойного митрополита Петра, но без упоминания о Киприане:

⁸ Авторы С подвинули вперед пассаж со словом «возрадовашеся» так, чтобы он предшествовал предзнаменованиям. Его заменили своим более грустным предложением — всё в духе их церковного направления.

⁹ Четвертый раз, когда Дмитрий идет в храм Богородицы и произносит ряд молитв, в том числе молитву митрополиту Петру.

¹⁰ Список РНБ. Собр. ОЛДП, F.50 близко совпадает со списками С, но имеет несколько отличий. Все встречи с митрополитом налицо, но без упоминания имени митрополита, а когда митрополит упоминается впервые, он назван Макарием. См. *Дмитриев Л. А.* Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». С. 460.

«Князь великий Дмитрие Иванович получи Божию милость пречистия его матери и всех святых его, молитвами святых чудотворец русских Петра и Алексия и преподобнаго отца нашего Сергея, и брата его святого Володимера Киевского. Иныя многия руския вдальцы, князи, и бояре, и боярския дети возвратишася и з своим господарем ко славному граду Москве с великою победою и з радостию незлаголанною» («Задонщина», список С, с. 555).¹¹

Различные окончания «Задонщины» — это дополнения, внесенные в предыдущие редакции повести. Поэтому нельзя сказать, когда вошел этот пассаж в текст «Задонщины». Тем не менее бросается в глаза отсутствие Киприана наряду с Сергием и Петром. Можно предполагать, что данный пассаж был добавлен к тексту после того, как митрополит Петр занял свое место на страницах С (или редакции промежуточной между Г и С), но до того, как Киприана ввели в хронику событий. Историки могут пытаться восстановить точную хронологию, но факт тот, что в «Задонщине» Киприана нет — так же, как и в Г, самой ранней из известных редакций Сказания. Некоторые списки С имеют идентичный пассаж в конце повести — без упоминания о Киприане, несмотря на видную роль, сыгранную Киприаном по всему повествованию:

«По милости Божии и пречистия его Матери, молитвами и помощью сродникъ нашихъ Бориса и Глѣба, молениемъ рускаго святителя Петра и его способника игумена Сергия, и всѣхъ тѣхъ святыхъ молитвами, супостати наши побѣждени суть, а мы спасохомся» (С-Тимк, с. 64).

Всё это дает возможность понять, что как минимум одна редакция отделяет Г от С — промежуточная редакция, которая включала в себя молитву митрополиту Петру, но пока еще без участия Киприана. Скорее всего, заключительный пассаж с Сергием и Петром попал в «Задонщину» из этой промежуточной редакции Сказания.¹²

Составители редакции С допустили еще один анахронизм, когда упомянули Владимирскую чудотворную икону Богоматери:

¹¹ Тексты «Задонщины» цитируются по изданию: *Дмитриева Р. П.* Тексты «Задонщины» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 533—556 (Список Ундольского = список У; Кирилло-Белозерский список = список К-Б; Список из Синодального собрания = список С; Список из Исторического музея = список И-1). Следует иметь в виду, что устно-эпические формулировки, лежавшие в основе «Задонщины», могли иногда входить в Сказание, частично или полностью, по памяти.

¹² В своем первом исследовании головинской редакции я указывал на возможные мелкие следы ее у Карамзина. См.: *Манн Р.* Сказание о Мамаевом побоище. Р. 71—80. Интересно, как заканчивается обращение Дмитрия к митрополиту Петру в С: «...ты бо правых нашъ еси водитель и страже, яко твоя есмь паствина. Скончав же молитву и поклонися митрополиту [Киприану]...» (С-Тимк., с. 20—21). Только что назвав митрополита Петра водителем и стражем паствы, он кланяется митрополиту Киприану, водителю и стражу паствы. Неловкий момент. Напрашивается вопрос, может ли это быть результатом присоединения Киприана к уже существовавшему эпизоду с Петром? Первые три посещения Дмитрием Киприана начинаются по одинаковой формуле: «Великий же князь Димитрий Ивановичъ, поим брата своего князь Владимирера Андреевича [*иде*] ко преосвященному митрополиту Киприану...»; «Поим же брата своего князь Владимирера и *иде* к преосвященному митрополиту Киприану...»; «Прииде же во град Москву, поим брата своего князь Владимирера, *иде* ко преосвященному митрополиту Киприану...» (С-РНБ). Однако автор даже не упоминает о Киприане, когда начинает рассказывать о четвертом посещении, во время которого Дмитрий молится Христу, Богородице и митрополиту Петру Чудотворцу: «И поим брата своего князь Владимирера, *иде* во церковь пресвятыя Богородицы...» (С-РНБ). Вполне возможно, что в редакции, предшествовавшей С в том виде, как мы его знаем, Киприан в этом эпизоде отсутствовал, зато была молитва Петру.

И паки идетъ предъ образъ чудотворныя иконы пречистыя Богородицы, юже Лука Евангелистъ писалъ при животѣ своемъ, и нача умилно вѣщати ко пречестному ея образу, и рече: «О пречистая и чудотворная Госпоже Царице, всего живота челоувѣческаго кормительнице...» (С-Тимк, с. 19).

Чудотворную икону Богоматери перенесли в Москву в 1395 г., через полтора десятка лет после Куликовской битвы, когда затеял поход на Москву Тамерлан. По преданию, чудесное вмешательство Богородицы побудило татарского хана отступить. В ранней редакции Г эта икона не упоминается, как и можно ожидать от произведения, написанного до того, как икону перенесли из Владимира в Москву, или же немного лет спустя.

С и позднейшие редакции упоминают о снохе князя Дмитрия. Эти упоминания относятся, скорее всего, к Софье Витовтовне, которая сыграла заметную роль в московской истории после смерти своего мужа в 1425 г. Однако она стала женой сына Дмитрия в 1390 г., десять лет спустя после Куликовской битвы.

Авторы Г знали, что союзником Олега Рязанского против Москвы был литовский князь Ягайло Ольгердович, а не его отец Ольгерд, скончавшийся в 1377 г. Тем не менее составители С воскресили Ольгерда из мертвых и заменили Ягайло Ольгердом. Два брата Ягайлы перешли на сторону Москвы, но согласно С они шли против отца, а не против брата. Такой шаг, видимо, воспринимался более смелым, чем вступление в союз против брата. Их мифический поступок дал набожным авторам С повод распространить текст аналогиями из Священного Писания. Список Р. Ф. Тимковского¹³ (главный список редакции С, изданный И. Снегиревым в 1838 г.), наиболее близкий текст к списку Н. Головина, называет великого князя литовского *Ягайло* в одном пассаже, который служит введением в действие в самом начале повести, а потом переходит на имя *Ольгерд* на протяжении всего остального повествования. Такая оплошность, вероятно, отражает ранний этап в истории редакции С, когда не все следы Ягайлы были удалены.¹⁴

Трудно сказать, являются ли эти анахронизмы простой наивной путаницей фактов, или же намеренным искажением правды. Привнесение эпизодов с Киприаном, вероятно, было связано с реабилитацией опального митрополита.¹⁵ Роль чудотворной иконы в повести усиливает духовное значение победы над татарами. Отсутствие Ольгерда в Г опровергает мнение А. А. Шахматова и Л. А. Дмитриева, будто литовского князя называли Ольгерд в первоначальном авторском тексте Сказания.¹⁶ Историки предполагают, что Ольгерда

¹³ Профессор Н. Н. Сандунов списал текст из сборника, впоследствии пропавшего, а Р. Ф. Тимковский, судя по краткому введению И. Снегирева к изданиям 1829 и 1838 гг., первым обратил внимание на этот текст.

¹⁴ «И великий князь Олг Рязанский поиде к Мамаю же на помощь и с литвою во единстве, и великий князь Ягайло Литовский с своено силою: литвою, и жмоти, и ляхи, и немцы» (С-РНБ). См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 103.

¹⁵ С-РНБ имеет дополнение в конце повести, где «весь священнический и иноческий чин» встречает победителей при возвращении в Москву. Среди них не упоминается Киприан, а в самом конце отмечается: «Того же лета поставлен бысть Пимин митрополит и прииде к Москве». См.: Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. С. 339—340.

¹⁶ См.: Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 388—389.

выдвинули как союзника Мамаю потому, что он был известен своей анти-московской ориентацией.¹⁷ Однако вполне возможно, что замена Ягайло была сделана по политическим причинам. Ягайло прожил еще полвека после Куликовской битвы, он умер только в 1434 г. Составители С, возможно, считали целесообразным не изображать его врагом Москвы.

Авторы С добавили множество деталей и эпизодов к изложению Г, которое недалеко выходит за рамки информации, известной нам по «Задонщине». С является расширенной компиляцией легенд, многие из которых могли быть неизвестными авторам Г. Авторы С стремились дополнить сжатое изложение Г, освещая мотивировку действий персонажей, оттеняя их глубокую веру или греховность. В таких целях они внесли большое количество разговоров между действующими лицами, чтобы не было сомнений в их мыслях и побуждениях. Компиляторы редакции С добавили в повествование большое количество новых эпизодов, в том числе:

- вторая половина сообщения от Олега к Мамаю;
- всё сообщение от Олега к Ольгерду;
- сообщение от Ольгерда к Мамаю;
- прием посольства у Мамаю и его ответ Олегу и Ольгерду (вместе с цитатами из Священного Писания, подчеркивающими покорную праведность Дмитрия Ивановича);
- пространная молитва Дмитрия по получении вести о готовящемся нашествии;
- первая встреча Дмитрия с Киприаном;
- совет Киприана утихомирить Мамаю золотом;
- посольство Захария Тютчева к Мамаю с золотом;
- Дмитрий получает сводку от Захария;
- вторая встреча Дмитрия с Киприаном;
- отправка разведывательной группы;
- призыв великого князя к местным князьям;
- отправка второй разведывательной группы;
- заявления Дмитрия и Владимира о вере и приверженности;
- призыв собраться в Коломне;
- список князей, прибывших в Москву;
- третья, краткая встреча Дмитрия с Киприаном;
- вторая часть молитвы Дмитрия у чудотворной иконы;
- молитва митрополиту Петру, поклон Киприану;
- Киприан отправляет священников благословить войско;
- назначение различных путей отправления для воевод;
- отправление разведывательной группы из десяти человек;
- благословение войск в Коломне;

¹⁷ См.: *Дмитриев Л. А.* К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. С. 340, 434. Эпизод, в котором Ольгердовичи переходят на сторону Москвы, отражается в былине «Два ливика». Два литовских брата отправляются против совета дяди, которого в одной записи зовут Ячманайлович. Дальнейшее действие в этой былине не имеет никакого отношения к Куликовской битве, зато в каше имен можно задать вопрос, не звали ли этого литовского короля Ячманайло/Ягайло, а двух братьев звали Ячманайловичи/Ягайловичи? См.: *Mann R.* The Kulikovo Battle and the Bylina About the Two Lithuanian Brothers // *Russian History*. 1981. Vol. 8, Part 3. P. 279—289.

список князей;
 консультация Олега с боярами;
 пространный пересказ мыслей Олега;
 краткий пересказ мыслей Ольгерда;
 беседа Ольгердовичей;
 молитва Дмитрия Ольгердовича;
 Ольгердовичи присоединяются к московскому войску;
 сообщение от Дмитрия к Киприану о прибытии Ольгердовичей;
 наказ Киприана о молитвах и подаении бедным;
 страж приводит пленника со сведениями;
 обсуждение перехода через Дон;
 длительный пассаж об огромных размерах вражеского войска и о скором начале боя;
 видение свв. Бориса и Глеба;
 Дмитрий получает сообщение от Сергия с благословением;
 молитва Дмитрия;
 эпизод засады (сильно расширен);
 разгром татарского войска;
 повествование о поиске раненого Дмитрия (значительно расширено);
 смерть Мамай.

Это далеко не все дополнения к редакции Г, но список дает представление о большом объеме дополнительного материала. С изобилует также и более краткими вставками, в том числе последовательным определением дат и праздников, которые не упоминаются в Г. Трудно себе представить, чтобы какому-либо «сократителю» повестей удалось вырезать столько эпизодов, причем бесследно! Западная Европа вместе с южными славянами гордилась своими *singers of tales*,¹⁸ между тем как Москва могла бы хвастаться своим доморожденным *trimmer of tales*...

В обеих редакциях Г и С Мамай дает приказ не пахать поля, а готовиться присвоить зерно в Московии и ее союзных княжествах. В С этот указ выдан после того, как татарское войско уже выступило в поход и перешло Волгу. В Г, наоборот, указ выдан перед отправлением в поход. Это имеет больше смысла. Вряд ли можно пахать и сеять, продвигаясь в сторону Москвы. Этот маленький ляпсус возник скорее при переработке Сказания, а не в первоначальном авторском тексте.

О первичности Г по отношению к другим редакциям также говорит необыкновенное количество уникальных параллелей к формулировкам «Слова о полку Игореве». Эти сходства ускользали от внимания ученых в течение двух веков и, за исключением одной из них, отмеченной О. В. Твороговым, до сих пор не привлекли внимания специалистов. Эта группа параллельных чтений свидетельствует о близости Г к устно-эпической традиции, которая дала нам «Слово о полку Игореве» и «Задонщину».

1. Формула *буй турь*, применяемая к брату Игоря Всеволоду («буи турь Всеволодь»), не засвидетельствована в других памятниках древнерусской литературы, зато имеется в тексте, найденном Головиным. Там это — метафора для войска Дмитрия Ивановича:

¹⁸ См.: *Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960.*

«Ягайло же Литовский прииде къ Одоеву и увѣда, яко Олгъ убоися идти противу великаго князя, пребысть ту не подвизаяся, аки гладный волкъ, видя стадо *буйныхъ туровъ*» (Г).

2. Фраза «подъ кликомъ поганыхъ», уникальная для «Слова», всплывает заново в тексте Головина — опять-таки в контексте мутных вод.

«Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ *подъ кликомъ поганыхъ*» («Слово о полку Игореве»);

«Вострепеташа озера и рѣки: поле же Куликово перегибающесея *подъ хоругвями сыновъ русскихъ и кликомъ поганыхъ*» (Г).

3. «Лисицы брешут на червленые щиты» Игорева войска. В «Задонщине» и других памятниках о Куликовской битве они лают на кости или на доспехи войск. У Головина же лисицы брешут именно на червленые щиты, как и в «Слове о полку Игореве»:

«Игорь къ Дону вои ведеть: уже бо бѣды его пасеть птицъ; подобию вльци грозу въ срожать по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, *лисицы брешутъ на червленныя щиты*. О руская земле! уже за шеломянемъ еси» («Слово о полку Игореве»);

«... и ворони собрашесе, необычно, неумолкающе грають, галицы же своею рѣчью говорятъ и орли отъ усть Дону приспѣша, *лисицы на червленныя щиты брешутъ*, ждучи дни грознаго...» (Г).

4. Самая интересная из уникальных параллелей приходится на конец повести, там, где *страны и города* поют славу и празднуют победу над Мамаем. Незначительная, на первый взгляд, эта параллель имеет огромное значение для нашего понимания истории и взаимоотношения всех памятников Куликовского цикла. В конце «Слова» «страны и грады» празднуют возвращение Игоря из плена:

«Дѣвицы поють на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогошей. *Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святыславлича. Буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христѣяны на поганяны пльки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь*»¹⁹ («Слово о полку Игореве»).

Текст Сказания в Г заканчивается сходным международным торжеством:

«И возвеселишесе удалцы русские въ татарскихъ узорочьяхъ, везучи въ землю свою уюсы и насачи, бугай, кони, и волы, и верблюды, меды и вина! — И превознесесе слава земли Русской: ревуть рози великаго князя по всѣмъ *странамъ*. Поиде вѣсть по всѣмъ *градомъ*: къ Киеву, ко Львову, къ Судаку, къ Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратамъ и Царю-граду: Русь поганяны одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ. — Воздадимъ хвалу Русской земли! — *Вси страны и гради возносятъ имя Господне*. Прославимъ милость Его во вѣки вѣковъ! Аминь» (Г).

Повествователь призывает всех петь славу войску Игоря в борьбе против *поганых*. Автор Г призывает прославлять Русскую землю после великой победы над *погаными*. В конце обоих произведений слава несется через огромные расстояния. В «Слове» она вьется через Черное море до Киева, тогда как в Г она достигает Киева и берегов Черного моря. В обеих концовках принимают

¹⁹ «Слово» цитируется по изданию 1800 г., перепечатанному в изданиях: Mann R. 1) The Igor Tales and Their Folkloric Background. Karacharovo, 2005. P. 378—387; 2) Песнь о полку Игореве: Новые открытия. С. 86—94.

участие *страны и грады*. В свете других схожестей, соединяющих эти концовки, и ввиду других параллелей между Г и «Словом» фразеологическое совпадение *страны—грады* не оставляет сомнения в том, что редакция Г унаследовала музыкальное окончание, восходящее к устно-эпической традиции «Слова». В «Слове» пение слав городами («уныша бо градом забралы») и чужими народностями («немци и венецици, греци и морава», «готскыя красныя девы», дунайские девицы) является весомой составляющей в поэтической канве. Такое повторное пение чужих стран создает широкую перспективу, грандиозный фон для действий русских князей. Упоминание о странах и городах в конце «Слова» входит органически в эту художественную систему, тогда как в Сказании торжествующие страны упоминаются только в конце повести — как вставка из инородной повести с другим метафорическим охватом. Мотив явно восходит к устно-эпической традиции, которая породила «Слово». В послеголовинских редакциях Сказания, как и в списках «Задонщины», эпизод с бегством и кончиной Мамаю «пришпилен» к концу повествования. При этом обычно пропадала или сокращалась та концовка, которой заканчивается Г. Правильное понимание этого процесса имеет ключевое значение для реконструкции истории памятников Куликовского цикла.²⁰

Авторы Г использовали раннюю редакцию «Задонщины» (в письменном виде или ее устный источник). Чтения, общие для «Слова» и этой редакции Сказания, впоследствии пропали при дальнейшей переработке Сказания. «Лисицы на червленые щиты брешут», «под кликом поганых», «буйный тур», «страны и грады» — все эти формулировки восходят к той, ранней редакции «Задонщины» (хотя нельзя полностью исключить возможность привнесения в текст эпических формул, которые автор, редактор или переписчик знают по памяти).

Похвала войскам, произнесенная «братом» Дмитрия Ивановича, содержит еще один вероятный след ранней «Задонщины», послужившей источником для авторов Г:

«Князь же великий, егда уряди полки своя, рѣче ко всѣмъ княземъ и сущимъ подъ рукою его воеводамъ: „Братия моя милая, не пошадимъ живота своего за вѣру христианскую и за святыя церкви, за землю Русскую!“ И рѣче ему князь Владимиръ Андреевичъ: „Господине княже! Воеводы у насъ вельми крѣпцы, а русские удалцы свѣдомы, имѣють подъ собою борзые кони, а dospѣхи вельми тверды, злаченыя колонтари и булатныя банданы и кончары фряжския, и курды ляцкие и сулицы нѣмецкия, а щиты червленые, и копя злаченыя, сабли булатныя; а дорога имъ свѣдома, а берега имъ по Оцѣ изготовлены; хотятъ главы свои сложити за вѣру христианскую и за твою обиду, великий княже!“» (Г).

Реплика Владимира Андреевича имеет в своей родословной ритмическую речь «буйного тура» Всеволода, брата Игоря Святославича:

«Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодь: „Одинъ братъ, одинъ светъ светлый — ты, Игорю! оба есве Святъславличя! Седлай, брате, свои брѣзвыя комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни — сведоми кѣмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяны, конецъ копия вскрѣмлени; пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъстрени; сами скачють, акы серыи влѣци въ поле, ищучи себе чти, а князю славе!“» («Слово о полку Игореве»).

²⁰ См.: Манн Р. «Головинская» редакция «Сказания о Мамаевом побоище»... С. 278—304.

В обоих случаях брат главного героя произносит эту речь.²¹ Однако в уцелевших списках «Задонщины» эти слова приписываются самому великому князю:

«И рече князь Дмитрей великий Иванович брату своему князю Володимеру Ондреевичу: „Брате милый, сами есмо себе два браты, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича. А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а князи белузерстии, Федор Семенович, два брата Олгиродовичи, князь Андрей Бранский, а князь Дмитрей Вольнский, а Тимофей Волоевич, Андрей Серкизович, а Михаила Иванович. У боя нас людеи 300 тисещь кованая раты, а воеводы в нас крепкия, ведомая дружина, а под собою маем кони борздыя, но себе маем доспехи позлащенныя, а шоломы чиркаския, а щиты московския, а сулицы немецкия, а кофыи фразския, а кинжалы мисурскими, а мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозки в нас вставлены, но еще хошем сильно главы свои положити за святыя Божия церкви, за православную веру христианскую и за землю Рускую. Пашут бо кафир, ищут бо себе чести и славы и великого имени“» («Задонщина», список С, с. 553).

Редакция Г и последующие редакции Сказания сохранили указание на произнесение данной реплики Владимиром Андреевичем. Другими словами, Г и очередные редакции Сказания лучше сохранили древний мотив, чем известные нам списки «Задонщины». Версия «Задонщины», использованная авторами Г, была, скорее всего, из той ранней редакции с концовкой, соответствовавшей окончанию «Слова о полку Игореве», с параллельными чтениями «буй тур», «под кликом поганых», «лисицы брешут на червленые щиты». В той, ранней версии «Задонщины», в отличие от уцелевших версий, не Дмитрий, а Владимир Андреевич, вероятно, произносил ритмическую похвалу войску.

Чтобы проверить гипотезу О. В. Творогова, что Г — не более чем сокращение С, нужно задаться вопросом, с какой целью предприняли бы такое сокращение. Если не предполагать, что «сократитель» был озлоблен на Церковь, тогда наиболее вероятный повод для сокращения текста — или экономия бумаги, или же создание более сжатой повести для сборника или большой хроники. И в том и в другом случае предполагаемый *trimmer of tales* стремился бы экономить место. Однако если он хотел сэкономить место, тогда почему же почти все пассажи в устно-эпическом стиле он сохранил полностью? Это же поэтический орнамент, легко поддающийся сокращению, но мифический «сократитель» оставил их в полном объеме. К примеру, эпическое описание «русских удалцев» из редакции С можно было бы сократить:

«Господине княже! Воеводы у насъ вельми крѣпцы, а русские удалцы свѣдомы, имѣють подь собою борзые кони, а доспѣхи вельми тверды, злаченяя колонтари и булатныя банданы и кончары фряжския, и курды ляцкие и сулицы нѣмецкия, а щиты червленые, и копя злаченяя, сабли булатныя; а дорога имъ свѣдома, а берега имъ по Оцѣ изготовлены...» (С-Тимк, с. 23).

Если бы автору хотелось сэкономить место, можно было «подрезать» этот пассаж, но вместо этого мифический *trimmer of tales* скопировал его целиком. Текст в Г почти идентичен.

²¹ Реплика Всеволода, вероятно, построена на формулах, которые произносил дружка в традиционном свадебном обряде. См.: Mann R. 1) *The Igor Tales and Their Folkloric Background*. P. 183—188; 2) *Lances Sing: A Study of the Igor Tale*. Columbus, 1990.

А зачем было оставлять следующий поэтический абзац?

«И крепко сступишася, треснуша копии харалужныя, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты червленныя, гремят мечи булатныя, блистаются и сабли булатныя» (С-Тимк, с. 55).

Вместо того чтобы сократить этот отрывок, предполагаемый «сократитель» расширил его:

«На полѣ Куликовѣ сильни полки сразишася, треснуша копия харалужная; звенять доспѣхи злаченые стучать щиты червленные, гремять мечи булатные, блистають сабли острыя около головъ молодецкихъ, лиется кровь богатырская по сѣдламъ кованымъ и катятся шеломы позлащенные конемъ подь копыта» (Г).

После того как в Г Боброк интерпретирует ночные приметы, великий князь произносит молитву из 45 слов. Автор С заменил его слова более краткой молитвой из восьми слов: «Да будетъ воля державѣ Господне». Если бы мифический «сократитель» стремился сжать текст С (особенно части религиозного характера), отчего же он расширил эту молитву? А если он мог себе позволить место на эту расширенную молитву, почему он убрал краткий список «богов», которым якобы поклонялся Мамай: Перун, Хорс, Мокошь, Мухаммед, Салават, Ираклий? (Салават — ежедневный молитвенный ритуал у мусульман, неправильно воспринятый авторами С как божество; Ираклий — искажение имени Симирагл, который в древнерусских источниках упоминается в перечислениях языческих богов славян. Иногда его принимали за имена двух богов: «Сим и Рагл». «Ираклий» восходит ко второму компоненту этого сочетания).²² Список богов занимает немного места и не оставляет ни малейшего сомнения в том, какой Мамай ужасный, поклоняющийся сразу и мусульманским, и доморощенным славянским богам! Более того, зачем «сократитель» убрал из повести все сведения о кончине Мамаея? И почему было не оставить хотя бы краткое упоминание о Киприане? Он ведь тоже молился за нас. Предполагаемый trimmer of tales вырезал важные эпизоды, но сохранил орнаментальную образность, а иногда ее даже распространял. Создается картина весьма противоречивая и маловероятная.

При создании С на основе Г возникли грамматические и фразеологические нестыковки. К примеру, сравните следующий пассаж в Г и в расширенном виде в С. Слова, добавленные редакторами С, выделены курсивом.

Г	С-РНБ, с. 106	С-Тимк, с. 9
Слышавъ же то князь Димитрий Ивановичъ, яко грядеть на него безбожный царь Мамай и неуклонимая рать татарская,	Слышавъ же то великий князь Димитрий Ивановичъ, яко идет на него безбожный царь Мамай и неуклонимая рать <i>на веру Христову; великий же князь Димитрий Ивановичъ</i>	Слышавъ же то князь Димитрей Ивановичъ, яко грядеть на него безбожный царь Мамай, и неуклонимая рать <i>на Христову въру, поревновавъ неиз'глаголанному Батыеву. Князь же великии Димитрей Ивановичъ</i>

²² По недавно опубликованной теории, «Салават» является зашифрованным указанием на гадальную книгу. По этой теории, просто нужно прочесть слово в обратном направлении и малость подправить получаемое слово *тавалас*, чтобы понять явный намек на таблицу Пифагора. Зато «Ираклий» можно прочесть слева направо. См.: Романов В. А. Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 52. С. 596—599.

опечалился вельми и посла по вся воеводы и по мѣстные князи.	опечалился велми <i>о безбожном нахождении и став пред иконою, яже стояше при возглавши его, пад на колени и нача молитися пред образом...</i>	опечалился вел'ми <i>от безбожнаго нахождении, и ставъ предъ иконою...</i>
--	--	--

В своем стремлении выдвигать на первый план духовную тематику авторы С добавили «на веру Христову», но эти слова топорно отделены от первичного грамматического дополнения «на него». Лишнее повторение фразы «великий же князь Димитрий Ивановичъ» возникло в результате вставки предыдущих слов. Если бы авторы С начали писать пассаж заново, а не отталкиваясь от текста в Г, можно было бы обойтись без этого повторения и слов «о безбожном нахождении».

В процитированной выдержке из Г Дмитрий призывает всех местных князей и воевод. Они съезжаются в Москве, и великий князь обращается к ним:

«...и посла по вся воеводы и по мѣстные князи. И мнози князи и воеводы съѣхашеся во градъ Москву. Князь же великий рцѣ имъ тако: „Братия моя! Рустии князи и воеводы и бояре!..“» (Г).

Такой ход действия естественен. В С, в отличие от Г, Дмитрий призывает всех воевод, они съезжаются (по-видимому, в Москве), а потом он отправляется посоветоваться у Киприана:

«И посла по брата своего по князя Владимира Аньдрѣевича; онъ же бѣ во своей державѣ Боровскѣ и посла по вся воеводы, и по мѣстныя князи. Князь же Владимиръ Аньдрѣевичъ приѣхавъ борзо во градъ Москву, и мнози князи и воеводы съѣхашася. Князь же великий Димитрей Ивановичъ поимъ брата своего князя Владимира, иде ко преосвященному митрополиту Кипрѣяну...» (С-Тимк, с. 10);

«И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича. Он же бе во своей державе в Городце. И посла по все воеводы и поместныя князи, и воеводы съѣхашася. Великий же князь Димитрий Ивановичъ, поимъ брата своего князя Владимира Андреевича [иде] ко преосвященному митрополиту...» (С-РНБ, с. 106).

Встреча с Киприаном перебивает естественный ход военных действий. Собравшиеся воеводы вынуждены подождать. Глагол «посла» повторяется — результат вставленных сведений о Владимире Андреевиче при сохранении фразы из Г («посла по все воеводы и по местныя князи»).

В Г повествователь называет белозерских князей крепкими воинами:

«Въ то же время приспѣли князи Бѣлозерские воины крѣпки, вельми доспѣшни и кони борзы наряжены подъ ними» (Г).

В С они *достойны* названия крепких воинов:

«В то же время приидоша князи белозерския; *подобни суть* воином крепким и велми доспешны и конны, и кони воинския наряжены» (С-РНБ, с. 108);

«В то же время приспѣли князи Белозерский, *подобни суть* воиномъ крѣпкимъ, вельми доспѣшни и кони воински наряжены под ними...» (С-Тимк, с. 15).

Из-за введения слова «подобни» получилась путаница с грамматическими падежами. «Подобни» требует дательного падежа («воинам крепким»), но предложение продолжается в именительном («доспешны и конны»), следуя тексту в протографе (Г).

Когда св. Сергей передает Дмитрию Ивановичу воинов Пересвета и Ослябю, он их благословляет:

«..и благослови ихъ, и рѣче имъ: „Миръ вамъ, братия моя, постраждите яко доблии воини Христови!“» (Г).

Авторы С вставляют в этот текст свою обычную политику — «всё христианство»:

«И рече им: „Мир вам, братия моя, постраждите яко доблии воини Христовы“. *И всему православному христианству даде им мир и благословение*» (С-РНБ, с. 109);

«И рече имъ: „Миръ вамъ, братия моя, постраждите, яко доблии воини Христови“. *И всему православному христианству дастъ Христово знамение, и дастъ имъ миръ и благословение*» (С-Тимк, с. 17—18).

Слова «всему православному христианству» вставлены неуклюже, текст получается сумбурным. В списке С-РНБ, может быть, опущены слова, соответствующие фразе «дать Христово знамение» в С-Тимк. В обеих группах не сразу понятно, к кому относится местоимение «имъ». Позже в повествовании С, когда Сергей посылает сообщение с благословением, та же фраза читается почти нормально, так как авторы уже пишут свободнее, не приспосабливаясь к прототипу:

«Великому князю Димитрию и всем руским князем мир и благословение и всему православному христианству» (С-РНБ, с. 120).

Однако даже тут видно, что слова «всему православному христианству» вставлены, по пристрастию авторов к широкому понятию о христианстве, почти задним числом в ходе писания.

Авторы С вводят Дмитрия Боброка в повествование три раза. Первый раз они сообщают, что Боброк приехал вместе с Ольгердовичами, причем используется фраза: «Есть же нѣкто воевода прииде...»:

«Есть же нѣкто воевода прииде с литовскими князи, именемъ Дмитрей Бобровъ, родомъ волынецъ; и тотъ бѣ нарочитый воевода и полководецъ, велми по достоянию полцы урядивъ, елико гдѣ кому подобаетъ по достоянию быти. Князь же великий поимъ брата своего князя Владимера и литовские князи, и воеводы, и вся мѣстныя князи, выеха на высокое мѣсто и видѣ образъ святыи же Иуস্য воображенъ (на) хрестыанскихъ знамениихъ...» (С-Тимк, с. 41—42).

Шаткая грамматическая структура вводной фразы — следствие того, что авторы отталкивались от редакции Г, которая представляет Боброка читателю немного позже и начинает со слов «Нѣкто же отъ воеводъ...»:

«Нѣкто же отъ воеводъ Димитрий Михайловичъ Волынецъ, сядѣ на конь свой, и поимъ съ собою великаго князя, и выѣхаша на поле Куликово, и ста посреди обоихъ полковъ, и обратися на полки татарские...» (Г).

«Некто» в Г употребляется традиционным, грамматически аккуратным образом. Это слово — прием для введения нового персонажа, но С неуклюже имитирует фразировку Г. «Есть же нѣкто воевода прииде» — это сумбурное нагромождение глагольных времен и подлежащих. «Некто» возбуждает в читателе ожидание эпизода или анекдота. В Г следует за этим целый ночной эпизод с приметами, а С сразу оставляет тему Боброка. Автор рассказывает, как великий князь осматривает собранные войска с высоты холма. Позже в С Дмитрий Иванович отправляет Владимира Андреевича вместе с Боброком вверх по Дону, чтобы там устроить засаду, — но потом Боброк едет с великим князем наблюдать ночные приметы. Компиляторы, по-видимому, спутались в своей переработке эпизодов из Г. Они топорно вводят Боброка в повествование, потом его отправляют в засаду, но, запутавшись в своих

перестановках, умещают его рядом с великим князем. В отличие от С, ход действия в редакции Г логичен. Сначала Боброк интерпретирует приметы, а потом его отправляют вверх по реке.

Компиляторы С вставили дополнительные сведения о путях следования различных полков из Москвы в Коломну:

«Великий же князь Димитрий Иванович отпусти брата своего князя Владимира Андреевича на Брашево дорогою, а белозерския князи отпусти Болванскою дорогою, — рекше Деревенскою, а сам поиде на Котел. Спереди ему солнце сияет и добре греет, и по нем кроткий ветрец веет. Не пошли бо того ради дорогою единою, яко не вместитися им» (С-РНБ, с. 111).

Сделав вставку об отправлении войск, компиляторы решили, что желательно добавить предзнаменование с солнцем и ветерком. Таким образом, возникло повторение этого мотива, который уже сыграл свою роль при первом описании выступления войска из Москвы.

В редакции Г, как можно ожидать, имеется одно описание выступления войск из Москвы в Коломну:

«Такожде и вси князи и воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со востока свѣтитъ въ путь имъ и вѣтрець тихъ и теплъ по нихъ вѣсть. Уже бо тогда, яко соколи отъ златыхъ колець рвахуся, выѣхали князи Бѣлозерские изъ каменна града Москвы: изрядно бо ся полцы ихъ видѣти, яко достоитъ имъ избивати стада лебедина!» (Г).

Дальше следует описание выступления из Коломны навстречу татарам:

«И возвѣяшеса сильни вѣтри по широцей дорозѣ и воздвигошеса велици князи, а по нихъ русские сынове успѣшно грядуть, аки медовыя чаши пити и стеблия винныя ясти. Но не медовыя чаши пити, не стеблия винныя ясти грядуть: хотятъ добывати себѣ чести и славнаго имени земли Русской» (Г).

Оба пассажа торжественны, оба богаты своей образностью. В редакции С в результате всяких вставок и перетасовок изображение выступления из Коломны превратилось в повторное описание выступления из Москвы в Коломну:

«Тогда же возвѣяша силнии ветры по бервице широце, воздвигошася велици князи, а по нихъ руския сынове спешно грядут, яко медвяныя чары пити и стебли винныя ясти, хотятъ купити чести и славна имени во веки в Руской земли, и великому князю Димитрию Ивановичу велику похвалу и многим градом» (С-РНБ, с. 112).

Потом сообщается, что Дмитрий Иванович прибыл в Коломну 28 августа, а торжественный сбор войск происходит на следующий день. Описание выступления из Коломны в Г применяется в С к отправлению войск из Москвы. Выступление из Москвы описывается дважды. Русским удалцам приходится подождать с медами и виноградом. Компиляторы, истощив свой запас поэтических образов (все из Г), вынуждены изобразить великое выступление из Коломны сравнительно бедной прозой:

«Рече же великий князь брату своему князю Владимиру: „Поспешим, брате, противу безбожных сих агарян, не утолим лица своего от них. Аще лучится нам смерть тамо, дома живучи одинако умрети, от смерти бо, брате, не избыти“. Всяк же идый путем, призывая Бога на помощь и сродники своя руския князи Бориса и Глеба» (С-РНБ, с. 113).

Следующий пассаж редакции С близко соответствует тексту Г до конца фразы «ни едина можаше словесе рещи». То, что следует за этими словами, выделенное курсивом, добавили авторы С:

«Великая же княгиня Евдокия и княгиня князя Владимира и иных православных князей княгини с воеводскими женами ту стояще провождающе, в слезах захлипаяся, ни едина можаше словесе рещи. *Княгиня же великая Евдокия отдает конечное целование государю своему великому князю Димитрию Ивановичу, а в слезах слова не можаше промолвити*» (С-РНБ, с. 110—111).

В дополнении повторяется то, что уже было сказано: княгини ни слова не могли произнести. Вскоре потом повторяется и формулировка *отдавати конечное целование* («И прочия княгини и боярыни и воеводския жены своим князем и бояром отдаша конечное целование и возвратишася с честью в дома своя»). Стройное повествование Г тут при редактировании превращается в менее экономный рассказ с дублировками.

Одним из любимых приемов автора С для введения своих вставок в текст Г является выражение «и паки». Такие вставки выделяются курсивом:

- 1) «И рече Волынец: „Господине княже, добры суть приметы и знаменья. Призывай Бога небеснага и не оскудевай верою“. *И паки рече: „Еще ми есть примета“*» (С-РНБ, с. 118);
- 2) «И удариша кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: „С нами Бог!“ *И паки рекоша: „Боже христианский, помози нам!“*» (С-РНБ, с. 121);
- 3) «Возопив же Волынец гласом велиим: „Княже Володимере, час прииде и время приспе!“ *И паки рече: „Дерзайте, братие и друзи, сила бо Святаго Духа помогает нам!“*» (С-РНБ, с. 122).

Каждую из этих трех цитат сочинили авторы С как дополнение к пассажиру Г.

В следующей выдержке из С выделяются курсивом слова, не совпадающие с текстом Г и явно добавленные авторами С:

«И обратишася погани и вдаша плещи своя. Сынове же рускии *силоу Святаго Духа бияху их, помощию святых мученик Бориса и Глеба*, аки лес клоняху поганых, аки трава от косы постилахуся. *Рускими мечи посекаются татарския полки*» (С-РНБ, с. 122).

Первая вставка — типичное для С религиозное дополнение. Вторая — лишняя. Автор, видимо, пытается объяснить образное сравнение с травой под косой. Понятно без этих слов, что татары гибнут от русских мечей. Это формула из скудного эпического репертуара автора С. Та же формула вскоре повторяется, опять в страдательном залоге, и опять в пассаже, которого нет в Г: «И не бысть ему помощи ничтоже от них, сила бо Святаго Духа, аки огнем пожигает. *Татарския же полки рускими мечи секутся*». Потребность в этой фразе тоже сомнительна.

Своеобразную головоломку представляет пассаж, в котором новгородцы отправляются великому князю на подмогу. В «Задонщине» этот эпизод входит в традиционную серию мотивов:

«Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных день утѣха, возлѣти под синее небеса, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. Ци буря соколи снесеть из земля Залѣския в полѣ Поротское. На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ, звонять в колоколы вѣчныя в Вѣликом Новогородѣ. Стоят мужи новгородцкие у Софѣи премудрые, а ркут тако: „**Уже нам, брате, не поспѣть на посопц к великому князю Дмитрею Ивановичю**“. И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася, выехали посадники из Великого Новогорода 7000 воиска к великому князю Дмитрею

Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андрѣевичю. К славному граду Москвѣ съехали все князи руские, а ркут таково слово: „У Дуная стоят татарова поганые, и Момаи царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свои нашей славы“. И рекше князь великий Дмитрею Ивановичю: „Брате князь Владимиръ Андрѣевичъ, поедем тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, **а храбрых своих испытает**, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую“» («Задонщина», список У, с. 536).

Эпическая вереница формул «кони ржут, звенит слава, трубы трубят, в бубны бьют, стоят стязи, звонят в колоколы вечныя» идет в паре с обращением к певческой птице, так же как в «Слове о полку Игореве», где повествователь обращается к «соловью» Бояну, призывая его петь славу. А потом следует образец его пения: «Комони ржутъ за Сулюю, звенит слава в Киевѣ, трубы трубятъ в Новѣградѣ, стоятъ стязи в Путивлѣ». В «Задонщине», как и в «Слове», эти мотивы расположены в самом начале повести — и Новгород входит в этот музыкальный мотив. Г тоже вводит эту музыкальную образность в начале повествования, но без реплики, произнесенной новгородцами:

«Въ тоже время приспѣли князи Бѣлозерские, воины крѣпки, вельми доспѣшни, и кони борзы наряжены подь ними. И придоша князи Ярославские и князи Ростовские со всѣми силами и иные многие князи.

Звенит слава по всей земли Русской, гремитъ вѣчье въ Великомъ Новгородѣ у святыя Софьи, и дивныя удалцы, яко орли слетаются со всей Русской земли храбрость свою пытати.

Уже бо, братие, не стукъ стучить, не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стучитъ рать великаго князя Димитрия Ивановича, гремятъ русские удалцы злачеными шеломами и доспехи!» (Г).

Слова «а храбрых своих испытает» («Задонщина») авторы Г подвинули вперед и чуть изменили: «храбрость свою пытати». В Г отсутствует реплика: «Уже нам, брате, не поспѣтъ на посопѣ к великому князю Дмитрею Ивановичю». Тем не менее музыкальный мотив «звенит слава» и т. д. выполняет ту же функцию, как и в «Задонщине», где он аккомпанирует сбору войска («дивныя удалцы, яко орли слетаются со всей Русской земли»). Так же как в «Слове» и в «Задонщине», в Г он размещен в начале повествования. Напротив, в С данный пассаж размещен там, где войско уже отправляется из Коломны:

«Тогда же возвѣяша силни вѣтри по бервицѣ широтѣ, воздвигошеса велицы князи, а по нихъ рускии сынове оуспѣшно грядуть, аки мѣдвяны чаши пити и стеблевинны ясти. Но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблевинны ясти грядуть: хотятъ оукупити чти и славнаго имяни во вѣки земли Руской, великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и многимъ государемъ. Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и ч'то конѣ ржутъ. **Звѣнит слава по всей Руской земли, велико вѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи новгородцы у Святыя Софьи премудрости Божия, а ркучи между собою таково слово: „Уже намъ, братие, на помощь не поспѣти к великому князю Димитрию; уже бо яко орли слѣгалися со всей Руской земли, съѣхалися дивныя удалцы, храбрыхъ своихъ пытати“»** (С-Тимк, с. 26).²³

²³ Соответствующий фрагмент в Вологодско-Пермской летописи, в начале статьи, упоминает о новгородцах, отправившихся к Дмитрию Ивановичю «на помощь»: «И выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними 7000 к великому князю на помощь. Убо, братие, стук стучит, а гром гремит в славном граде Москвѣ. Стучит великая рать великаго князя Димитрея Ивановича, а гремят

В соответствующем мотиве «Слова» и «Задонщины» фраза «кони ржут» — первое звено в цепочке образов («Комони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве...»); «На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской»). Ввиду того что формула «звенит слава» примыкает к фразе «кони ржут», напрашивается вопрос, не сохранила ли С этот пассаж в более цельном виде, чем Г, или этот порядок слов является совпадением?

Ответ на этот вопрос дают, в частности, тематика и контекст мотива с формулой «звенит слава». В Г слава звенит «по всей земли Русской», войны съезжаются «со всей Русской земли». Тема — сбор войск из многих княжеств после призыва великого князя. Зато в С, несмотря на то что некоторые князья и воеводы примкнули к походу позднее, сбор войск *со всей Русской земли* уже в прошлом. Средоточие внимания уже другое: выступление в поход. Текст, предшествующий мотиву «звенит слава» в С, описывает выдвижение войск, а не то, как они «слетаются со всей Русской земли». Пассаж со ржанием коней отличается от мотива «звенит слава» по смыслу. Он изображает не торжество приготовлений к войне, а жуткое ощущение у войск при приближении к полю боя. Более того, в Г последовательность вставок из «Задонщины» близко соответствует порядку их появления в самой «Задонщине»; в С размещение мотива «звенит слава» в середине повести — разительное исключение. Надо заключить, что редакторы С перенесли этот мотив из его исконного места в начале повести, причем возникла состыковка слов «кони ржут» и «звенит слава».

По своему стилю и содержанию пассаж со словами «кони ржут» отличается от более поэтической вереницы образов в «Задонщине»:

«На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ, звонять в колоколы вѣчныя...» («Задонщина», список У, с. 536);

«Дивно и грозно бо въ то время слышати, и громко въ варганы бьютъ, тихо съ поволокою ратныя трубы трубятъ и кони ржутъ многогласно» (Г).

Это описание выдвижения войск не является вставкой из «Задонщины». Это не повторение образности «Задонщины», хотя, возможно, пассаж был подсказан ее музыкальными образами. Тут в Сказании изображается войско в одном месте — в отличие от формул «Задонщины», представляющих широкую канву прославления войск по всей Русской земле — в Москве, в Коломне, в Серпухове, в Новгороде. Весь пассаж «Дивно и грозно ~ кони ржутъ многогласно» сочинили авторы Г отдельно от вставленного мотива звенящей славы, с другой целью и в более прозаическом стиле. Мотив «Задонщины» можно охарактеризовать схемой: [звучание + местность, звучание + местность, звучание + местность]. Это поэтический параллелизм, основанный на общем ритме, смысле и структуре фраз. Текст со звенящей славой и новгородским колоколом («Звенить слава по всей земли Русской, гремитъ вѣчье въ Великомъ Новгородѣ») следует этому образцу, тогда как пассаж с трубами и ржанием коней отступает от него. Поэтический текст с формулой «звенит слава» —

руския удалцы злачеными шеломы и доспѣхи» (Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 130). В этой летописи нет упоминания новгородцев, помещенного перед началом битвы в С. Фраза «выехали (...) на помощь» подсказана составителям летописной статьи, скорее всего, соответствующей репликой в «Задонщине» («выехали посадники из Великого Новгорода 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичу»). Интересно совпадение с текстом Головина.

вставка из начальной части «Задонщины», а абзац с трубами и конями был сочинен отдельно и в исконном тексте Сказания размещен отдельно, в середине повествования. Выдержка с формулой «звонит слава» и с упоминанием Новгорода была передвинута авторами С из ее первоначального положения в Г в начале Сказания.²⁴

В начале С перед мотивом «стук-гром» нет упоминания о новгородцах. В уцелевшем тексте Г упоминается Новгород, но без реплики об опасениях новгородцев, что они не успеют «на пособь / на помощь» к великому князю. Реплика в какой-то мере двусмысленна: успели помочь или не успели? Эта двусмысленность могла привести к ее сокращению автором Г или переписчиком. Возможно, реплика присутствовала в авторском тексте, а именно эта двусмысленность побудила авторов С перенести мотив ближе к началу битвы, когда действительно поздно и новгородцы могут не успеть. Как бы то ни было, в списке С-РНБ реплика вводится формулой с устно-эпической окраской «таково слово» — единичный случай употребления этой формулы в С, тогда как в «Задонщине» она типична. Надо думать, что реплика восходит к «Задонщине».

Большая роль устно-эпического повествования, представлявшего собой творческий фон для письменных памятников о Куликовской битве, осложняет задачу установления взаимоотношений текстов. Трудно определить, цитирует ли автор письменный текст, общеизвестную устно-эпическую формулу, или цитирует письменный текст, но по-своему, вплетая формулировки, которые он знает по памяти. Два места в Г представляют особые трудности, осложненные вопросом о роли памяти. Одно из них — описание первого столкновения двух войск. В «Задонщине» начало битвы изображается с помощью традиционной «отрицательной» метафоры:

«А **сильныи полки ступишася** вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. И кликнули быша дивы в Руской земли. А глава шибла к Желѣзным вратам, ли къ Караначи, к Риму и х Сафѣ по морю и к Которнову, и отголѣ ко Царюграду на похвалу руским князем, и одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке Напрядѣ. На том полѣ **сильныи тучи ступишася**, а из них часто сияли молыньи и загромѣли грома велиции. То ти **ступишася руские удалцы** с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли сильные доспѣхи злаченые, а громѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские» («Задонщина», список У, с. 538);

«На поли Куликове тучи сильныи изступишася, а вид них сияли сильныи великия молныя, гримит гром сильныи. Та ти изступишася сынове руския с погаными татари за свои обиды. А в них же сияли золотыя доспехи, гремели князеи русских доспехи и мечи булатныи и сбьшаки московския» («Задонщина», список С, с. 553).

²⁴ Как правило, строение абзацев и разбивка фраз не считаются приемлемым свидетельством в древнерусской текстологии, в частности из-за возможного слитного написания в рукописях. Зато в данном случае разбивка фраз заслуживает внимания. Подобно тому как в Г мотив начинается со слов «звонит слава», в С фраза, предшествующая этому мотиву, заканчивается как раз перед словами «звонит слава». Всё это говорит об определенном смысловом и стилистическом разделении между фразой со ржанием коней и следующей фразой, со звенящей славой. Такое же разделение наблюдается в неопубликованном списке РНБ, собр. ОЛДП, F.50, в котором опущен мотив с новгородцами, начиная со слов «звонит слава». См. описание рукописи: *Дмитриев Л. А.* Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 459—461.

Сообщается сначала, что столкнулись тучи с громом и молнией. Потом авторы объясняют, что на самом деле это столкнулись два войска, что гром — это стук мечей, а молнии — сверканье доспехов. Г сокращает эту метафору, убрав прямое упоминание туч. Несмотря на это, сохраняется основная метафора «битва — гроза»:

«На полѣ Куликовѣ **силньи полки сразишася**, треснуша копия харалужная; звенять доспѣхи злаченые, стучать щиты червленные, **гремятъ** мечи булатные, **блистають** сабли острья около головъ молодецкихъ, лиется кровь богатырская по сѣдламъ кованымъ и катятся шеломы позлащенные конемъ подь копыта. — Не токмо оружиемъ биюшася, но и сами о себя избивахуся и подь конскими ногами умираху, и отъ великия тѣсноты задыхахуся на полѣ Куликовѣ. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго! **Трепетали силньи молнии отъ блистания мечнаго и отъ саблей булатныхъ, и бысть, яко громъ отъ копѣйнаго сломления и мракъ отъ стрѣль перелѣтающихъ**. Восколебашеся озера и рѣки и выступиша изъ мѣсть своихъ, притопташеся холми высокие и наполнишася трава кровию, льющеся на всѣ страны, аки быстрини рѣчныя» (Г).

С подходит ближе к «Задонщине» повторением глагола «ступишася» и положением фразы «силньи полки съступишася», что соответствует фразе «силньи полки ступишася» в «Задонщине»:

«Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко **ступишася**: треснуша копия харалужная, звѣнять доспѣхи злаченныя, стучатъ щиты черленныя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя, и много напрасно бьюшася, не токмо оружиемъ биюшася, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами омираху, от великия тѣсноты задыхахуся, яко немощно бѣ вмѣститися имъ. На полѣ Куликове между Дономъ и Мечею **силньи полки с'ступишася, из нихъ же вытекають крововые ручьи и трепетали силньи молнии от облистания мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть, яко громъ от копейнаго сломления**. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго; во единомъ часѣ и въ мгновении ока, колико тысящъ человекъ погибаетъ создания Божия! Воля бо Господня совершается. В то же время тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, озера выстоупиша изъ мѣсть своихъ, протопташеся холми высокие, траву же кровию подымывало, льющеся кровемъ аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны» (С-Тимк, с. 55—56).²⁵

Вместо сочетания «коровые ручьи» списки Д имеют, как правило, чтение «коровавыя зари»:

«На том бо полѣ силньи плъци съступишася, из нихъ же выступали коровавыя зари, а в них трепеталися силньи мльνια ото блистания мечнаго» (Д).²⁶

Ввиду того что списки С имеют только сочетание «коровавые ручьи», надо думать, что данная формулировка в этой группе списков не является искажением известной формулы «коровавые зори / зари», которую позже использовали авторы Д. Упоминание о «коровавых ручьях» продолжает изображение

²⁵ И. Снегирев дает разночтение из списков Ермолаева и Оболенского (редакции С): «*Ерм. и К. Оболен.*: [и крѣпко ступишася] велиции полцы и крѣпко биюшися и напрасно щипляются щиты богатырскии о злачныя доспѣхи, а лиется кровь богатырская подь сѣдлами коваными, блискають шаблѣ булатными около головъ богатырскихъ, котятятся шоломы позлащенные с личинами добрыми конемъ подь копыта, валяются головы многихъ богатырей з добрыхъ коней на сырую землю и потоптаны бывають. Не едины богатырне руские биены быша, но и татарскихъ вдвое; не токмо бо оружиемъ биюшася, но и сами отъ себѣ разбивахуся» (*Снегирев И.* Поведание и сказание о побоище... Примеч. 35). Такое чтение имеет ряд совпадений с Г (они выделены курсивом), которых нет в списках С-Тимк и С-РНБ.

²⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 43.

страшного зрелища с отсеченными головами и кровью, стекающей по седлам. Возможно, авторам Д эту формулу подсказало соседство фразы *трепетали силнии молнии* и слов «кровавые ручьи» в редакции С. Знакомство с «Задонщиной» могло повлиять на авторов Д, но в основном они руководствовались текстом Г. Повторением слов «силнии плъци съступишася» они подтянули текст С поближе к «Задонщине», но в изображении начала боя в уцелевших списках «Задонщины» нет слов «вытекають кровавыя зари» и, в отличие от «Задонщины», ни в Г, ни в С, ни в Д нет прямого упоминания грозовых туч. Компиляторы С руководствовались списком из редакции Г. Возможно, что повторение глагола «съступишася» объясняется, в частности, знакомством с «Задонщиной» по памяти.²⁷

Если рассмотреть этот пассаж под другим углом, можно сказать, что автор Г отстает от «Задонщины» сокращением упоминания грозовых туч, центрального компонента в метафоре «Задонщины». Автор Г обходится без двойной структуры отрицательной метафоры (тучи с громом и молнией = полки со сверканием мечей и гремящими доспехами). Он сжимает метафору «Задонщины», соединив вместе ее две части. Упомянув про гром и молнию, он сразу объясняет, что «молния» — от «облистания мечнаго», а гром — от треска копий. Когда авторы С перерабатывали это место, они добавили «силни полки съступишася», в частности, чтобы их «кровавым ручьям» было из чего вытекать. Зато объяснение метафорической молнии и грома они оставили как в Г. Потом компиляторы Д заменили ручьи зарями, а в результате получился неудачный образ кровавых зорь, вытекающих из воюющих полков. Компиляторы пытались расширить метафору в духе «Задонщины», но без упоминания туч попытка не очень удалась. А вместе с тем объяснение молнии и грома, изложенное автором Г, остается на месте. Автор Г отступил от сложной метафоры «Задонщины», а компиляторы Д стремились в какой-то мере ее воссоздать. При этом они совместили метафоры двух различных сортов: двухчленную метафору, как и в «Задонщине», и более сжатую метафору, созданную автором Г. Все это уже не говоря о том, что «кровавые зори» — явление раннего утра — в начале дня имеют смысл как предвестие битвы, но не очень подходят для изображения текущего боя.

Имеется еще одно проблематичное место для гипотезы о первичности редакции Г там, где читается мотив о стуже и громе («по заре»):

«Не стукъ стучить, не громъ гремитъ по зарѣ на поляхъ Коломенскихъ; стучать и гремять русскіе удалыци! Князь же великий Димитрий Ивановичъ повелѣвъсѣмъ воеводамъ и людемъ выѣхати на поле Дѣвиче» (Г).

В «Задонщине», в отличие от Г, этот шум и гром приписываются войску Владимира Андреевича:

²⁷ Серия образов *кровавыя зари* — *трепетали молнии* — *бысть яко гром* близко соответствует мотиву с предзнаменованиями в «Задонщине»: «Уже, брате, возвеша сильнии вѣтри по морю на усть Дону и Непра, прилѣбляшася великиа тучи по морю на Рускую землю, из нихъ выступаютъ кровавыя зори, и в нихъ трепещуть сильнии молнии. Быти стуку велику на рѣчки Направдѣ, меж Дономъ и Непром...» («Задонщина», список И-1, с. 542). Напрашивается вопрос: может ли чтение с «кровавыми зарями» в Д быть первичным? Но тот факт, что чтение с зарями отсутствует в списках С, говорит о том, что формула «кровавыя зари» вошла в текст позже, заменив сочетание «кровавые ручьи». Это — позднейшее изменение в Д (или же в неизвестном списке С, который послужил авторам Д источником). Я должен добавить, что имею доступ только к шести спискам С.

«Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимиръ Андрѣевич полки пребирает и ведет к великому Дону» («Задонщина», список У, с. 537);

«Уже бо стукъ стучить и гром гремитъ рано пред зорею. То ти не стукъ стучить, ни громъ гремит, князь Володимиръ Ондрѣевич ведетъ вои свои сторожевыя полкы к быстрому Дону...» («Задонщина», список К-Б, с. 549).

В редакции С данный мотив также привязан к Владимиру Андреевичу:

«Не стукъ стучить, не громъ гремитъ, по зорѣ стучать и гремять русские удалцы. Князь Володимиръ Андрѣевич возится рѣку на Красномъ перевозѣ в Боровскѣ» (С-Тимк, с. 27);

«Велик бысть стук и гром — по зоре стучат, гремятъ руския удалцы. Князь Владимир Андреевич возился на красном перевозе в Боровске» (С-РНБ, с. 112).

Г применяет мотив «стучит-гремит» к тому моменту, когда собираются войска в Коломне. С в основном следует за Г, приурочивая данное действие к сбору войск в Коломне, но добавляет в изложение упоминание Владимира Андреевича, который отправляется с войском из Боровска в Коломну. Трудно сказать, помнил ли автор этого пассажа С мотив «Задонщины», справлялся ли с письменным текстом «Задонщины» или имел вариант редакции Г, в котором упоминался в этом месте Владимир Андреевич. Скорее всего, это место подсказано знакомством с «Задонщиной» (по памяти) и стремлением дать более подробное описание событий. Раньше в редакции С вставлена отметка о пребывании Владимира Андреевича в Боровске. Несмотря на эту точку соприкосновения С и «Задонщины», стоит обратить внимание на то, что привязка к Владимиру Андреевичу все-таки отличается от «Задонщины», в которой князь не направляется в Коломну, а уже ведет сторожевой полк к Дону. Как мне кажется, один из ключей к истории этого пассажа находится в словосочетании «русские удалцы». Отступая от «Задонщины» временным контекстом, в котором были произведены стук и гром, Г тем не менее этими двумя словами указывает на *всё русское ополчение*: «стучать и гремять русские удалцы!» Данная фраза, как и выражение «русские сынове», последовательно подразумевает общерусское войско по всему повествованию. Компиляторы С присоединили к этому пассажи Г заметку о Владимире Андреевиче, оставив ссылку на «русских удалцов». Получается как будто двойное объяснение стука и грома — сначала общерусским войском (как и в Г), а потом дополнительно — выдвижением Владимира Андреевича в сторону Коломны. Если бы данный пассаж не был адаптацией соответствующего мотива в Г, тогда, скорее всего, отсутствовала бы формулировка «русские удалцы». Вместо этих слов вероятнее бы использовалось другое сочетание слов, например «вои свои» или «свои полкы». Сравните другой вариант того же мотива в начале Сказания:

«Уже бо, братие, не стукъ стучить, не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стучить рать великаго князя Дмитрия Ивановича, гремять русские удалцы злачеными шеломы и доспехи!» (Г).

Вариант редакции С с Владимиром Андреевичем следует такой же трафаретной структуре (стук, гром, объяснение), а потом добавляет новое объяснение. Более того, в Г, как и в «Задонщине», *по заре* выступает всё войско против Мама, а не отдельный князь-воевода, поторопившийся в Коломну. Раннее утреннее отправление дает знать о рвении и стоической серьезности русского войска.

Одна маленькая ошибка в Г, которая могла появиться при редактировании текста, может быть следом пропуска слов. В рассказе о ночных приметах,

интерпретируемых Дмитрием Боброком, употребляется глагол «слышасте»: Рѣче же Волынецъ великому князю: «Слышасте ли сиа?..» В Г Дмитрий Иванович и волынский князь поехали на Куликово поле вдвоем, но глагол множественного числа противоречит этому. Боброк как будто обращается к двум или более князьям. Последующие редакции не согласны на этот счет. Одни утверждают, что Владимир Андреевич в ту ночь сопровождал великого князя. Возможно, Владимир Андреевич присутствовал в Г, а аорист множественного числа («слышасте» вместо глагола *слыша* или *слышал еси*) остался следом того, как редактор или переписчик упростил текст, убрав Владимира Андреевича. С другой стороны, «слышасте» может быть случайной оплошностью.

Многочисленные данные говорят о первичности редакции Г по отношению к С. По этой причине упоминание о свидетеле Куликовских событий приобретает особенное значение:

«Се же слышахъ отъ вѣрнаго самовидца, отъ полку князя Владимира Андреевича, иже повѣда великому князю видѣние: „Во шестую годину дни, бысть надъ вами небо отверсто, изъ него же иде багряная заря и облакъ исполненъ рукъ, кояжда рука держаше вѣнцы, ова цвѣты; и шестому часу минующе, мнози вѣнцы спустишася на русские полки“» (Г).

Утверждение автора нельзя просто игнорировать. Оно полезно не для обсуждения правдивости этого видения, а потому, что автор, вероятно, был современником этого «самовидца» и, может быть, Куликовских событий. По всей вероятности, он писал не более чем через сорок лет после битвы 1380 г. То есть чтобы просто утверждать, что он лично был в контакте с таким свидетелем, он должен быть современником участников похода 1380 г. Авторы С заменили глагол «слысахъ» более амбивалентным глаголом «слышахом». Весьма сомнительно, чтобы автор Г, переписывая из С пассаж о пророческом видении, изменил «слышахом» (слово, которое может относиться ко всем составителям различных редакций повести) на «слысахъ» (что может относиться только к нему лично).

Когда редакторы добавили молитву митрополиту Петру, они перенесли в эту молитву слова, обращенные в Г к Сергию. Обращение к игумену стало молитвой святому чудотворцу Петру. В Г великий князь уподобляет Сергия свече на канделябре, а в С это сравнение переносится на Петра:

«...тебе бо Господь прояви послѣднему роду нашему, в’жегъ тя свѣтло яко свѣцу на свѣщнице, и тебѣ подобаеѣт молитися о насъ, да не придетъ на ны рука грѣшница...» (С-Тимк, с. 20).

Зато редакторы С также добавили эпизод, в котором Сергей посылает Дмитрию на Куликово поле свое благословение. Поэтому не все изменения, внесенные авторами С, умаляют роль Сергия.

Авторы С не только усилили религиозное направление Сказания, но прилагали усилия, чтобы улучшить переходы от одного эпизода к другому и разъяснить мотивировку действий каждого действующего лица. Переход от «Задонщины» к Г, а потом к С, соответствует продвижению от прерывистого стаккато к гладкому, рассудительному повествованию, которое представляет более полную, связную картину событий. Авторы С уделяют больше внимания причинным факторам и обстоятельствам войны, тогда как «Задонщина», как и любая устно-эпическая песня, стремится в первую очередь *праздновать* всем известную победу. Самая ранняя из известных редакций Сказания, Г,

приходится где-то между ними. Версия Г представляет собой связанное прозаическое повествование, но с сохранением большой доли праздничного тона «Задонщины».

Реконструкция истории памятников Куликовского цикла осложняется значительной ролью запомнившихся устных мотивов. Редакторы иногда добавляли формулировки, которые они знали по памяти из устных источников, так и не обратившись к письменным произведениям. Как бы там ни было, возможно, что в редакции Г реплика новгородцев «уже нам на пособь не поспеть» присутствовала, но выпала при редактировании текста до того, как авторы С стали преобразовывать текст. Редакторскую работу, давшую упоминание о выдвигании Владимира Андреевича из Боровска, тоже трудно восстановить, однако, скорее всего, компиляторы С ввели эту деталь из «Задонщины», где «стук и гром по заре» ассоциируется со сторожевым полком этого князя.

«Задонщина», скорее всего, была создана вскоре после событий 1380 г., когда настроение еще было приподнятым и народ испытывал потребность праздновать победу. Устные нарративы выполняли такую функцию, а «Задонщина» их увековечила в письменном виде. Авторы Г преобразовали устные источники и «Задонщину» в гладкую прозу, но с более сильным религиозным направлением. Впоследствии авторы С добавили множество молитв, посещений храмов, цитат из Священного Писания, поучения митрополита и различные отсылки к библейской истории, чтобы еще больше усилить религиозный характер Сказания. В интересах Церкви повесть, празднующую Куликовскую битву наподобие эпической песни, сильно преобразовалась. На этих первых этапах куликовские памятники проходили закономерную эволюцию, оттапливаясь от устного эпоса и продвигаясь в сторону религиозного поучения.

В своем недавнем исследовании Л. В. Соколова пытается доказать, что некоторые выдержки из «Задонщины» отсутствовали в первоначальном авторском тексте Сказания и были вставлены компиляторами редакции С. Однако многочисленные свидетельства показывают, что редакция Г служила основой для С.²⁸ Почти все пассажи, которые Л. В. Соколова считает позднейшими вставками, уже присутствуют в Г.²⁹ Ее концепцию истории развития Сказания

²⁸ Л. В. Соколова, конечно, имеет в виду первую версию редакции С, тогда как текст Головина принадлежит другой, прежней редакции, которая, по-моему, служила основой для С.

²⁹ См.: Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101—121. Л. В. Соколова разбирает 11 пассажей, которые, по-видимому, восходят целиком или частично к «Задонщине». Два из них, разбираемых мной в этом исследовании, представляют большие сложности. Все выдержки, обсужденные Л. В. Соколовой, имеют параллельные чтения в Г, хотя авторы С внесли свои штрихи — и некоторые из этих изменений отражают их знакомство с «Задонщиной». Например, Л. В. Соколова указывает на сочетание формулировок из «Задонщины» в этом пассаже: «Не дай же, Господи, погьбнути оставшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа (в другом списке Калкинския) бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого...» (С-Тимк). На этот счет я согласен с Л. В. Соколовой, но данный пассаж не просто вставка из «Задонщины», так как он построен на основе Г: «Не сотвори, Господи! яко же прежде было христианомъ отъ злаго Батыя; *отъ тоя бо рати Русская земля опустѣла*; не даждь погьбнути, Владыко, оставшему христианству». Как отмечает Л. В. Соколова, данная цитата из С имеет

можно подытожить следующим образом: сначала была написана религиозная повесть с молитвами, анахронизмами, встречами с Киприаном и с легендами о ходе боевых действий — но без большой части эпической образности «Задонщины»; позже компиляторы С вставили выдержки из «Задонщины»; впоследствии автор Г, в целях экономии, убрал большую часть религиозного содержания повести, убрал анахронизмы, добавил формулировки из «Слова о полку Игореве» и оставил все выдержки из «Задонщины». По-видимому, Л. В. Соколова согласна с мнением О. В. Творогова, что Г является сокращением С.³⁰ Итак, по этому сценарию первоначальная весьма религиозная повесть расширилась поэтическими выдержками, а потом многое из первоначального религиозного содержания сократил автор Г, оставив поэтические пассажи целиком. Самый интересный подвиг мнимого «сократителя» — то, как он переработал концовку, чтобы она ближе подходила к окончанию «Слова о полку Игореве». Он понимал, какое большое значение может иметь маленькое изменение в выборе слов. Впоследствии другие набожные компиляторы расширяли С, игнорируя Г и не поддаваясь на уловку наглого trimmer of tales.

Пусть будущие поколения рассудят. Г отражает самый ранний этап в истории Сказания. Последующие редакции утроили и учетверили объем повести. Метко высказался Иван Снегирев на самом рассвете изучения памятников Куликовского цикла: «По своей полноте, особенности и старшинству, отличаясь от прочих, список Тимковского должен быть снят с древнейшего подлинника, нам неизвестного. Он также с очевидными позднейшими вставками текстов, молитв, посланий и местных обстоятельств, какие обыкновенно включали переписчики и в другие памятники...»³¹ К сожалению, И. Снегирев не обратил нужного внимания на список, изданный его соотечественником Н. Г. Головиным и представлявший собой тот «древнейший подлинник», который он имел в виду. Его описание несохранившегося протографа списка Тимковского читается как описание текста Головина: «Хотя в нем нет того огня, той самородной прелести и силы в выражении, какими отличается Песнь о полку Игореве; но рассказ его местами плавлен и затейлив, описания одушевленны и цветисты, особливо в изображении ратных успехов и пыла битвы. Если бы оно не было часто прерываемо очевидно позднейшими, неуместными встав-

соответствия в двух пассажах «Задонщины»: «И оттоля Руская земля сѣдить невесела, а от Калатская рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты» (список У, с. 535); «А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лѣтъ» (список У, с. 536). В этом месте редакция С построена на базе Г, но как будто слышен дополнительный отголосок «Задонщины» (соответствующее место в «Слове о полку Игореве», скорее всего, дефектно: «Почнемъ же братие, повесть сию. Отъ стараго Владимира [*170 леть] до нынешняго Игоря, иже истягну умъ крепостю своею...»). Число лет от смерти Владимира I (1015 г.) до похода Игоря пропущено).

³⁰ На тему редакции Головина Л. В. Соколова не высказывалась. Заключаю из этого, что она придерживается того же мнения, что и О. В. Творогов, автор единственной опубликованной оценки Г (кроме моей). Стоит упомянуть, что О. В. Творогов считал текст Головина сокращением С и не видел повода усомниться в подлинности текста. Сборник, в котором находился текст Сказания, опубликованный И. Снегиревым, пропал без вести — подобно рукописи, изданной Головиным. Уцелел еще список редакции С, снятый в XIX в. (РНБ, собр. Помяловского, № 124). Возможно, это рабочий список, использовавшийся редакторами при работе над изданием Сказания 1838 г. Во введении к этой публикации (с. VII) И. Снегирев писал: «Список Р. Ф. Тимковского, по снятому с одного списка профессором Н. Н. Сандуновым, уставный, в 4, найден в одном Сборнике, теперь неизвестно где находящемся».

³¹ *Снегирев И.* Поведание и сказание о побоище... С. XII.

ками, то представляло бы более единства в целом, соразмерности в частях и движения в своем ходе, было бы ближе к первоначальному своему виду».³²

Напрашивается вопрос: отчего уцелел только один список из редакции Г? Ведь текст стройный, хорошо написанный. Одна причина этому — это древнейшая редакция. Более того, монахи и церковники-компиляторы оценивали расширенную редакцию с поучительными духовными прибавлениями и дополнительными эпизодами выше, чем старую, краткую редакцию. Пространная версия, наполненная религиозным содержанием, занятыми легендами и анахронизмами, вытеснила старую, «худощавую».

Стоит обратить внимание еще на пару деталей в редакции Г, которые бросают свет на историю редакций. Перед концом повести воины находят раненого князя лежащим под деревом. Они называют его «древом Ярославлим», имея в виду его происхождение (хотя бы духовное, символичное) от киевского князя Ярослава Мудрого:

«Тогда вси князи и бояре возрадуются великою радостию и поклонишися великому князю, глаголюще: „Наше древо Ярославле, новый Александре, ликуй свѣтило Русской земли!“» (Г).

В большинстве редакций фраза «наше древо Ярославле» заменена словами «наш древний Ярослав». Метафора, изображавшая князя как дерево, в большой мере изглажена. Среди миниатюр в лицевых списках Сказания есть иллюстрация, изображающая раненого Дмитрия Ивановича, лежащего под деревом в таком положении, что дерево кажется продолжением его туловища.³³ Версия Сказания в Г доказывает первичность чтения с метафорой «наше древо Ярославле». Еще одно спорное место — упоминание о знамени с ликом Иисуса Христа в некоторых редакциях памятника. В других редакциях речь идет о множестве знамен с ликами святых. Текст Головина доказывает первичность мотива с Иисусом Христом:

«Князь же великий Димитрий Ивановичь поимъ брата своего князя Владимира и литовские князи и воеводы, и выѣха на высокое мѣсто, и видѣ святое знамя Иисусово, аки солнце свѣтящися, и стязи ревутъ наволочении простирающися...» (Г).

* * *

Итак, чтобы лучше проследить историю памятников Куликовского цикла, следует учесть редкий текст Сказания, изданный Николаем Головиным. Его краткую книжку игнорировали в течение 150 лет, и эта ошибка имела большие последствия для науки. Как красноречиво свидетельствует исследование Л. В. Соколовой, Сказание Головина не учитывается и сегодня. Николай Головин, как и граф Алексей Мусин-Пушкин, был страстным собирателем предметов старины с более чем 40 000 наименований в своей коллекции. Как и Мусин-Пушкин, вероятно укравший из Кирилло-Белозерского монастыря конволют со «Словом о полку Игореве», Головин воровал артефакты.³⁴ Зато

³² Там же. С. XIV. И. Снегирев наверняка видел текст Головина. Он был цензором Московского цензурного комитета и одобрил к печати в 1835 г. публикацию Головина.

³³ См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 63.

³⁴ После смерти Н. Г. Головина в 1865 г. выявилось, что десятки древних грамот в его коллекции были украдены им из архивов. См.: Чаев Н. С. К вопросу о подделке исторических документов в XIX веке // Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук. 1933. № 6—7. С. 485—509. Я благодарен Марине Викторовне Сидоровой (ГАРФ), передавшей мне свое

никто в то время не смог бы сфабриковать его редкую версию Сказания. В ряде публикаций я доказывал подлинность текста Головина. У Н. М. Карамзина в примечаниях к его «Истории» имеются, кажется, следы редакции Г.³⁵ О первичности Г по отношению к С свидетельствуют: отсутствие в Г анахронизмов, найденных в С; отсутствие в Г следов дополнительных эпизодов С; грамматические и фразеологические ляпсусы, явно возникшие в С, когда компиляторы пытались приспособить свои вставки к тексту Г; уникальные параллели, отражающие сравнительную близость Г к устно-эпической традиции «Слова о полку Игореве»; всякие противоречия и несуразности, которые ведет за собой гипотеза, будто текст Головина является сокращением С. Из всех известных редакций Сказания редакция Головина — основная, но лучше обходиться без такого названия на тот случай, если вдруг найдется редакция постарше Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказание о побоищѣ великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго

Повѣдаю вамъ, братия, како случися побоище на Дону православнымъ христианамъ съ нечестивыми татары, и како возвыси Господь Русскую землю, а поганыхъ уничтожи и посрами ихъ суровство.

Попущениемъ Божиимъ отъ восточныя страны воздвигся царь Мамаи, христианский ненавистникъ и укоритель; и вниде въ сердце его диаволь подстрекатель, и наустити разорити православную вѣру. И сотвори Мамаи совѣтъ злый въ темныхъ, поганыхъ своихъ царствахъ, и нача испытывати: «Како Батыи плѣнилъ Киевъ и Володимерь и всю землю Русскую, и како уби князя Юрия Всеволодовича и оскверни пречистую церковь, разграби злато?» И бысть ослѣпленъ очима, рѣче къ улусникамъ своимъ: «Азь изждену ихъ князи! Хощу сотворити аки же Батыи, обогатѣмъ русскимъ златомъ!» Того же не разумѣ нечестивый, яко не до конца прогнѣвается Господь, ни во вѣки враждуетъ.

И распусти безбожнии Мамаи облаву свою, заповѣда уланомъ своимъ: «Яко да ни единъ у васъ пашеть нивы, будите готови на Русскую землю, на хлѣбы!» И совокупи мнози орды съ собою, и перевезеся великую рѣку Волгу, и поиде на Русь, свирепѣя яко левъ, дыхая, яко неутолимая эхидна.

неопубликованное исследование с биографическими сведениями о Николае Головине: «...Полезен или вреден для общества? (...) Головин был родственником Александра Пушкина. Пушкин, по преданию, навещал Головиных в Микулином Городище, когда ездил из Москвы в Петербург и обратно. Из-за диссидентства брата Ивана переписку Головина, наверное, контролировали. Судьба его древнерусских рукописей неизвестна. Его вдова, видимо, распродала его ценную коллекцию. Маленькая часть коллекции хранится в Архиве Археографической комиссии (Академия наук) в Санкт-Петербурге. Александра Чирикова мне сообщила, что все 260 наименований представляют собой краткие грамоты, не литературные произведения». Относительно кражи Мусиным-Пушкиным книг из коллекции Кирилло-Белозерского монастыря см.: *Бобров А. Г.* Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 528—553.

³⁵ См.: *Манн Р.* Сказание о Мамаевом побоище. Р. 71—80.

Бысть же у Олга князя Резанскаго скудость ума во главѣ, и сатана ухищрение вложи въ сердце его. Слышавъ, яко Мамаи идетъ на Русь ратию, устрашися и разсыпая мыслью, и посла послы къ нечестивому царю со мною честию и дарьми, и писа къ нему сице: «Восточному царю Мамаю, твои посаженнии присяжники Олгъ Резанский! Слышахъ ты, господина моего, хочещи идти на Русь на своего посаженника и служебника, на князя Дмитрия Московскаго. Нынѣ же, господине, приспѣ время: злата и богатства наполнена земля его. И тако бо вѣмъ, всесвѣтлы царю, яко князь Дмитрии, егда услышитъ имя ярости твоя, то отбѣжитъ отъ тебе въ дальняя свои страны. Злато же и богатство все будетъ въ твоихъ рукахъ; мене же, раба твоего, царю, держава твоя пощадить».

Такожде скудоумный Олгъ посла посольство къ велерѣчивому Ягаилу Литовскому. Но рука Божия высока; Господь даетъ власть, ему же хочеть.

Слышавъ же то князь Дмитрии Ивановичъ, яко грядеть на него безбожный царь Мамаи и неуклонимая рать татарская, опечалився вельми и посла по вся воеводы и по мѣстные князи.

И мнози князи и воеводы съѣхашеся во градъ Москву. Князь же великий рѣ имъ тако: «Братия моя, рустии князи и воеводы, и бояре, гнѣздо есмь князя Владимира Киевскаго! Будите готови на брань битися съ безбожными татары. Все бо на мя собрашеся сопостати, но помощию Божию изыдемъ имъ во срѣтение!» И рѣче ему братъ его князь Владимиръ Андреевичъ: «Мы вси, господине, готови умерети и главы своя сложити за святую вѣру, за землю Русскую и за твою обиду великаго князя!»

Въ тоже время приспѣли князи Бѣлозерские, воины крѣпки, вельми доспѣшни, и кони борзы наряжены подъ ними. И приидоша князи Ярославские и князи Ростовские со вѣми силами, и иные многие князи.

Звенить слава по всеи земли Русской, гремитъ вѣче въ Великомъ Новгородѣ у святыя Софии, и дивные удальцы, яко орли слетаются со всеи Русской земли, храбрость свою пытати.

Уже бо, братие, не стукъ стучить, не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стучить рать великаго князя Дмитрия Ивановича, гремятъ русские удальцы злачеными шеломы и доспехи!

Князь же великий поимъ брата своего Владимира Андреевича и прииде къ Живоначальной Троицѣ, и ста предъ образомъ Господнимъ, рѣче въ умиленнии сердца: «Молю ти ся, Боже, Владыко мои! Ты еси Царь славы, и къ Тебѣ прибѣгаемъ единому, егда унываемъ отъ скорбеи нашихъ. Суди, Господи, обидящая мя, и возбрани борющимся со мною, прими оружие и щить, востани въ помощь мнѣ, да постыдятся и посрамятся являющие рабомъ Твоимъ злая! Даи же ми, Господи, помощь на противные, да и тѣ познають славу имени Твоего!»

Старцу же Сергию преподобному ту въ умиленнии стоящу, рѣче князь великий: «Благослови мя, отче, на подвигъ и даи ми два брата Обронскихъ отъ полку своего. Нынѣ бо ти, старче, приспѣ время молитися за ны къ общему Владыцѣ всѣхъ: день бо злыя вещи належитъ намъ, погании бо идутъ на ны. Тебя же Господь вжегъ свѣтло, яко свѣщу на свѣщницѣ, и тебѣ подобаеть молитися о насъ, да не ляжетъ на ны рука нечестивыхъ!» Преподобный же благослови великаго князя и рѣче ему: «Господь Богъ да будетъ ти помощникъ и заступникъ!» И призва Пересвѣта и Ослябя — двухъ братьевъ мниховъ

Обронскихъ, вручи имъ твердь достѣхъ — крестъ Христовъ нашить на схимѣ, и повелѣ имъ въ борзѣ готовитися, и благослови ихъ, и рѣче имъ: «Миръ вамъ, братия моя, постраждите яко доблии воины Христови!»

Князь же великии Димитрии Ивановичъ прииде во градъ Москву и поимъ брата своего и вси князи рускии преславнии, и иде въ церковь небеснаго воеводы архистратига Михаила, и приступи ко гробомъ князеи прародителии своихъ, ркуще: «Хранители православные, поборници наши! Аще имаете дерзновение ко Господу, молитесь о нашемъ унынни, яко великое востание приключися намъ, нынѣ убо подвизайтесь съ нами!»

Златоперсистыи же голубь, княгиня великая Евдокия и съ иными княгинями и боярскими женами ту стоячи и слезами обливаясь горючими; (к)о сердечному, ни едина не можеша словеси промолвити.

Князь же великии Димитрии Ивановичъ вступи во златокорванное стремя и сѣде на своего борзого коня, не прослезися бо, народа ради, а сердцемъ скровно плаче, рѣче ко своей великой княгинѣ: «Аще Господь по насъ, то кто можетъ на ны?» Такожде и вси князи и воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со востока свѣтитъ въ путь имъ, и вѣтречь тихъ и теплъ по нихъ вѣть.

Уже бо тогда, яко соколи отъ златыхъ колець рвахуся, выѣхали князи Бѣлозерские изъ каменна града Москвы: изрядно бо ся полцы ихъ видѣти, яко достоить имъ избивати стада лебедина!

Сладкоглаголивая же ластовица великая княгиня Евдокия и съ иными княгинями вниде въ свои златоверхии теремъ набережныи и сѣде подъ южнымъ окномъ, и, вздохнувъ печально, рѣче въ умилении сердца: «Господи Боже великии, призри на мя, смиренную, сподоби мя еще видѣти славнаго въ чловѣцѣхъ великаго князя Димитрия Ивановича, даждь ему помощь отъ крѣпкия руки Твоя, да побѣдитъ противныя силы! Не сотвори, Господи, яко же прежде было христианомъ отъ злаго Батя; отъ тоя бо рати Русская земля опустѣла; не даждь погибнути, Владыко, оставшему христианству. Азъ же, унылая, имѣю двѣ отрасли, но еще малы суть. Егда повѣтъ ихъ вѣтръ съ юга или съ запада, не могутъ устояти, ни на что же опираяся. Буди милостивъ, Господи, и возврати отца ихъ во здравии! Ни на кого же надежи не имамъ, токмо на Тя, всемилосердый Владыко!»

Слышавъ же Олгъ Резанский, яко князь великии собра мнози рати и иде во срѣтение безбожному царю Мамаю, устращися сердцемъ, устыдися срамоты своей и распадеся мыслию. Ягаило же Литовский прииде къ Одоеву и увѣда, яко Олгъ убояся идти противу великаго князя, пребысть ту не подвизаяся, аки гладный волкъ видя стадо буиныхъ туровъ.

Въ то же время слышавъ князь Андреи Полоцкии и князь Димитрии Брянский Олгердовичи, яко необоримая туга належить великому князю Московскому отъ нечестиваго царя Мамаю, и рѣче князь Андреи Олгердовичъ: «Поидемъ, брате, на помощь къ великому князю Московскому: необорима бо туга належить ему отъ поганыхъ татаръ; но еще и братъ нашъ побораеъ по нихъ. А Олгъ Резанский проводить ихъ на Русь». И снидошася ко желанию два брата Олгердовича со всѣми силами своими, и яко нарочитые ратницы приспѣша къ Коломнѣ и соединишася съ единовѣрными друзьями.

Не стукъ стучить, не громъ гремитъ по зарѣ на поляхъ Коломенскихъ; стучать и гремятъ русские удалцы! Князь же великии Димитрии Ивановичъ повелѣ всѣмъ воеводамъ и людемъ выѣхати на поле Дѣвиче. И начаша мнози

гласи ратныхъ трубъ трубити, и варганы шепуть, и стязи ревуть наволочени у садъ Панфилова!

Князь же великий, егда уряди полки своя, рече ко всемъ княземъ и сущимъ подъ рукою его воеводамъ: «Братия моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру христианскую и за святыя церкви, за землю Русскую!» И рече ему князь Владимиръ Андреевичъ: «Господине княже, воеводы у насъ вельми крѣпцы, а русские удалыцы свѣдомы, имѣють подъ собою борзые кони, а dospѣхи вельми тверды, злаченыя колонтари и булатныя банданы, и кончары фряжския, и курды ляцкие, и сулицы нѣмецкия, а щиты червленые, и копя злаченыя, сабли булатныя; а дорога имъ свѣдома, а берега имъ по Оцѣ изготовлены; хотятъ главы свои сложити за вѣру христианскую и за твою обиду, великий княже!»

И възвѣяшеся сильни вѣтри по широцеи дорозѣ, и воздвигошеся велици князи, а по нихъ русские сынове успѣшно грядуть, аки медовыя чаши пити и стеблия винныя ясти. Но не медовыя чаши пити, не стеблия винныя ясти грядуть: хотятъ добывати себѣ чести и славнаго имени земли Русской. Дивно и грозно бо въ то время слышати, и громко въ варганы бьють, тихо съ поволокою ратныя трубы трубять, и кони ржуть многогласно.

По малѣхъ же днѣхъ приступиша къ Дону. Мнози же волцы приидоша на то мѣсто, по вся ноши воють непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утверждаетъ. И вороны собрашеся необычно, неумолкающе грають, галицы же своею рѣчью говорятъ, и орли отъ усть Дону приспѣша, лисицы на червленныя щиты брешуть, ждучи дни грознаго, въ онъ же имать пастися множество трупа челоуѣческаго и кровопролития, аки морскимъ водамъ. Отъ такого страха и отъ великия грозы дерева преклоняются и трава постилается. Вѣстницы же повѣдаютъ, яко близать поганин, уже бо одна ночь между ихъ полки и наши. И возрадовашеся русские удалыцы, зря своего желаннаго подвига.

Князь же великий Димитрии Ивановичъ поимъ брата своего князя Владимира и литовские князи и воеводы, и выѣха на высокое мѣсто, и видѣ святое знамя Иисусово, аки солнце свѣтящеся. И стязи ревуть наволочении простирающеся, аки облаци тихо трепещущи, хоругви аки живы пашутся, а dospѣси русские, аки воды во вся вѣтри колыблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утрення заря во время ведряно солнца свѣтящеся, еловцы же шеломовъ ихъ, аки пламя огненно пашется. Ужасно зрѣти таковыхъ русскихъ князей и ихъ удалыхъ дѣтей боярскихъ! Князь же великий сшедь съ коня и падъ на колѣну прямо великому полку черному знамени, на немъ же бѣ образъ Владыки, и нача изъ глубины сердца звати велегласно: «Господи силь, буди съ нами; иного же помощника въ скорбѣхъ не имамы!»

Скончавъ же молитву и сѣде на конь, нача ѣздити по полкомъ со князи и воеводы, и коемуждо полку рече: «Братия моя милая, сынове русские, уже бо ночь приспѣ и день приближися грозный, уже гости наши близъ суть на рѣцѣ на Непрядвѣ. Утро же имаете вси пити общую чашу, ея же, друзи мои, на Руси вождельша».

Уже бо долго ноши вечерняя заря потухла. Нѣкто же отъ воеводъ Димитрии Михайловичъ Волынецъ сядѣ на конь свои и поимъ съ собою великаго князя, и выѣхаша на поле Куликово, и ста посреди обоихъ полковъ и обратися на полки татарские, и слыша стукъ великъ и кличь, аки торги снимаются,

аки гради зиждуше, аки трубы гласяще. Назади же татарскихъ полковъ волцы воють грозно, вороны и галицы кличють; птицамъ прелѣтающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки вѣтру играюще; на рѣцѣ же на Непрядвѣ гуси и лебеди крилами плещуть. Рѣче же Волынецъ великому князю: «Слышасте ли сна?» Обрати же ся князь на полки русские — и бысть тихость велика, токмо отъ множества огней зари имашеся. И сниде Волынецъ съ коня, и приниче на землю. И рѣче ему князь великий: «Что есть, брате?» Онъ же отвѣща ему: «Слышахъ землю плачущую на двое: едина страна аки вдовица нѣкая, а другая аки дѣвица, аки свирѣль, чаю победы, но нашихъ много падеть». И рѣче князь великий: «Богъ мой — помощникъ мой, и уповаю на Него. Помози ми, Господи, яко первому Ярославу на Святополка Окаяннаго, и прадѣду моему Александру на хвалящагося короля Свѣискаго! Да не порадуются врази наши, и не рѣкутъ въ странахъ невѣрныхъ: „Гдѣ есть Богъ ихъ, на Него же уповаша?“»

И прииде къ дружинѣ своей князь великий Димитрий Ивановичъ, и посла брата своего князя Владимера Андреевича въ верхъ по Дону, яко да утаитися полку его, и съ нимъ отпусти Димитрия Михаилавича Волынца.

Свѣтающееся свѣтлому и восходящу солнцу, начаша стязии христіанския простиратися и трубы трубити отъ обоихъ странъ. Вострепеташа озера и рѣки, поле же Куликово перегибающееся подъ хоругвями сыновъ русскихъ и кликомъ поганыхъ. Князь же великий ѣздящъ на борзомъ конѣ мимо полковъ, глаголя воеводамъ: «Подвизайтесь, други, за Русскую землю!» Прииде же подъ свое черное знамя, и сниде съ того коня на инои конь, и совлече съ себя приволоку царскую, и въ иную облечеса. Тотъ же конь даде подъ Михаила Александровича Брянка, и въ ту приволоку его облече, иже бѣ любляше его паче мѣры. И то черное знамя повелѣ рывѣ своему возити предъ нимъ. И возьмъ палицу желѣзную, подвизався изъ полку вонъ, восхотѣ прежде самъ начати. Князи же русские и воеводы удержаша его, глаголюще: «Не подобаетъ тебѣ, великому князю, самому битися. Тебѣ же, государю, надлежитъ полци устроивати и память творити, и въ книгахъ писати дѣля русскихъ сыновъ. Мы же вси готови есмы головы своя положити за тебя, за ласкова государя». Князь же великий рѣче имъ: «Братия моя милая! Како могу видѣти васъ погибаемыхъ, а самъ стояти? И како возглаголю: „Потягнемъ вкупѣ!“, а самъ лице свое почну крыти? Яко же хощу словомъ, тако же и дѣломъ напредъ всѣхъ быти, и предъ всѣми главу свою положити, да и прочие примуть дерзновение. Общую чашу имамъ пити съ вами, други!»

И се внезапно великая сила татарская съ шоломяни грядуща, и нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступитися. И сташа, копия закладше, стѣна у стѣны, каждо ихъ на плещи преднихъ своихъ имуще. Князь же великий съ своею силою съ другого шоломяни поиде противу имъ, и бѣ страшно видѣти. Нечестивыи же царь Мамай съ своими темными князи взыде на мѣсто высоко, на шоломя, и ту сташа, хотя видѣти кровопролитие.

Уже бо близъ себѣ сходишася, и выѣде изъ полку татарскаго богатырь, именовъ Телебѣи, предо всѣми мужествова, похваляясь, и никто же смѣяше противу его. Тогда Пересвѣтъ чернецъ двигся изъ передоваго полку вонъ и рѣче: «Азь хошу съ нимъ видѣтися». И устремися противу ему; и ударишася крѣпко, аки сильнии громи грянуша; мало что земля подъ ними не проторжеса; и оба ту спадоша съ коней мертвии.

Наставшу же второму часу дни, рѣче великий князь своимъ воеводамъ: «Уже бо время и часъ приспѣ!» И удариша каждо по коню своему, и поскочи-сте, аки медовыя чаши пити, и кликнуша единымъ гласомъ: «Съ нами Богъ!»

На полѣ Куликовѣ сильни полки сразишася. Треснуша копия харалужная, звенять доспѣхи злаченые, стучать щиты червленныя, гремятъ мечи булатныя, блистають сабли острыя около головъ молодецкихъ, лиется кровь богатырская по сѣдламъ кованымъ, и катятся шеломы позлащенные конемъ подъ копыта. Не токмо оружиемъ биющеся, но и сами о себя избивахуся и подъ конскими ногами умираху, и отъ великия тѣсноты задыхахуся на полѣ Куликовѣ. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго! Трепетали сильнии молнии отъ блистания мечнаго и отъ саблей булатныхъ, и бысть, яко громъ отъ копѣйнаго сломления, и мракъ отъ стрѣль перелѣтающихъ. Восколебашеся озера и рѣки, и выступиша изъ мѣсть своихъ, притопташеся холми высокие, и наполнишася трава кровию, льющеся на всѣ страны, аки быстрины рѣчныя.

До пятой години бующеся неослабѣющу; шестому же часу наставшу, начаша одолѣвати погании, и великаго князя уязвиша, и стязи его подефкоша, и мнози удалцы и вельможи русские, аки сильнии древа сломашеся. Не турове возрѣвѣша, возрѣвѣша буеи сынове рустии!

Князь же Владимиръ Андреевичъ видѣ одолѣние поганыхъ, рѣче Димитрию Вольнцу: «Брате Димитрии! что убо пользуетъ стояние наше?» И рѣкъ ему Вольнецъ: «Еще не пришла година, княже!» Сынове же рустии въ полку его, видяще други своя побиваемы, непрестанно порывающеся, аки званые на бракъ сладкаго вина пити. Вольнецъ же рѣче имъ: «Мало пождите, буявии сынове рустии! Есть бо вамъ еще съ кѣмъ утѣшатися, пити и веселитися!» Приспѣвшу же осьмому часу, и повѣя вѣтрець южныи позади ихъ, и рѣче Вольнецъ: «Время прииде, и часъ приспѣ! Братие, потягнемъ по своему князѣ и по Русской землѣ!» И выѣдоша изъ дубравы единомысленныя друзи, аки соколи испущени, и ударишася на стада журавлина. И обратишася погании, даша плещи своя, восклицающе: «Увы тебѣ, Мамаи, вознесся до небесъ и въ адъ низходиши!» Сынове же рускии, аки лѣсъ клоняху нечестивыхъ, и гнаша ихъ аки стада овца. И падоша татарове, аки трава отъ косы постилается.

Князь же Владимиръ Андреевичъ ста на костѣхъ подъ чернымъ знаменемъ и не обрѣте брата своего. И повелѣ собранною трубою трубити, и нача по полкомъ ѣздити, глаголюще: «Братие, кто видѣлъ первоначальника великаго князя Димитрия Ивановича?» И рѣче князь Андрей Олгердовичъ: «Азъ пятаго часу видѣхъ его крѣпко бующеся съ четырьмя татарини». Иной же рѣче: «Азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ изъ засады приходомъ, пѣша идуща съ побоища, но уязвленна; того бо дѣля не дахъ ему коня, зане гонимъ бѣ тремя татарини».

Рачители же отроцы разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще побѣдѣ побѣдителя. Овии же наѣхаша Михаила Александровича Брянка, убитаго въ приволоцѣ и въ шелому великаго князя, и чаяше его государемъ. Инии же наидоша князя Федора Романовича Бѣлозерскаго, чающе его великимъ княземъ, зане же приличенъ бяше. Но нѣкто отъ благородныхъ воинъ наидоша великаго князя вельми язвенна, при березѣ въ дубравѣ лежаща. Тогда вси князи и бояре возрадуяся великою радостию и поклонишеся великому князю, глаголюще: «Наше древо Ярославле, новии Александре, ликуи,

свѣтило Русской земли!» Онъ же, изнеможенный, радуясь, сѣде на конь кротокъ и нача ѣздити по побоищу, и наѣхалъ первѣе на мѣсто, идѣже лежать князи Бѣлозерские. И паки на другое мѣсто приѣдѣ, наиде наперстника своего Михаила Александровича Брянка, и туто же чернеца Пересвѣта близъ богатыря Телебѣя лежаща, и рѣче въ умилении сердца: «Сынове земли Русской! Вамъ, братия, сужено на Дону, на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ положить своя головы за землю Русскую, за святыя церкви!»

Се же слышахъ отъ вѣрнаго самовидца отъ полку князя Владимира Андреевича, иже повѣда великому князю видѣние: «Во шестую годину дни бысть надъ вами небо отверсто, изъ него же иде багряная заря и облакъ исполненъ рукъ. Кояжда рука держаше вѣнцы, ова цвѣты. И шестому часу минующе, мнози вѣнцы спустишася на русские полки».

Стоявъ же за Дономъ восемь дней, дондеже разобраша христианския телѣса съ нечестивыми. Христианъ похорониша, а нечестивии повержени звѣремъ на расхищение.

И возвеселишеся удалцы русские въ татарскихъ узорочьяхъ, везучи въ землю свою уюсы и насачи, бугаи, кони, и волю, и верблюды, меды и вина. И превознесся слава земли Русской. Ревуть рози великаго князя по всѣмъ странамъ. Поиде вѣсть по всѣмъ градомъ — къ Киеву, ко Львову, къ Судаку, къ Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратамъ и Царюграду: Русь поганьи одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ.

Воздадимъ хвалу Русской земли! Все страны и гради возносятъ имя Господне. Прославимъ милость Его во вѣки вѣковъ!

Аминь.

Список литературы

Бобров А. Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 528—553.

Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 26. 414 с.

Головин И. Сказание о побоище великаго князя Димитрия Иоанновича Донского с нечестивым царем Мамаем и с бесчисленными татарами на Дону, на реке Непрядве, на поле Куликове, 1380 года 8-го сентября. Сочинение XV столетия издал Николай Головин. М.: Тип. А. Семена, 1835. 32 с.

Дмитриев Л. А. Вставка из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. С. 385—439.

Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 406—448.

Дмитриев Л. А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 449—480.

Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 481—509.

Дмитриева Р. П. Тексты «Задонщины» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1966. С. 533—556.

Манн Р. «Головинская» редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и ее значение для памятников Куликовского цикла // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 278—304.

Mann P. Песнь о полку Игоре: Новые открытия. М.: Языки славянской культуры, 2009. 95 с.

Mann P. Сказание о Мамаевом побоище: Забытый список Николая Головина // *Monuments of Early Russian Literature series*. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 2010. Vol. 8. P. 101—167.

Памятники Куликовского цикла / Ред. Б. А. Рыбаков, В. А. Кучкин. СПб.: Блиц, 1998. 412 с.

Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с. (Литературные памятники).

Романов В. А. Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 596—599.

Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л.: Наука, 1982. 434 с. (Литературные памятники).

Снегирев И. Поведание и сказание о побоище великаго князя Димитрия Донскаго, Слово о житьи и преставлении его, и Слово о полку Игоре. М.: Универ. тип., 1838. [2], XVI, 129 с. (Русский исторический сборник; Т. 3, кн. 1).

Снегирев И. Сказание о побоище великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго // Русский зритель. СПб., 1829. Ч. 5. С. 3—67.

Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 101—121.

Творогов О. В. Головин Николай Гаврилович // Энциклопедия «Слова о полку Игоре»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г—И. С. 39—40.

Чаев Н. С. К вопросу о подделке исторических документов в XIX веке // Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук. М.; Л., 1933. № 6—7. С. 485—509.

Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 309 p.

Mann R. Lances Sing: A Study of the Igor Tale. Columbus: Slavica, 1990. 231 p.

Mann R. The Forgotten Text of Nikolai Golovin: New Light on the Igor Tale // Oral Tradition. 2011. No 26/1. P. 145—158.

Mann R. The Igor Tales and Their Folkloric Background. Karacharovo: The Birchbark Press, 2005. 457 p.

Mann R. The Kulikovo Battle and the Bylina About the Two Lithuanian Brothers // Russian History. 1981. Vol. 8, Part 3. P. 279—289.

Mann R. The Silent Debate Over the Igor Tale // Oral Tradition. 2016. No 30/1. P. 53—94.

References

Bobrov A. G. Proiskhozhdenie i sud'ba Musin-Pushkinskogo sbornika so «Slovom o polku Iгоре» // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2014. Т. 62. С. 528—553.

Chaev N. S. K voprosu o poddelke istoricheskikh dokumentov v XIX veke // *Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 1933. № 6—7. С. 485—509.

Dmitriev L. A. K literaturnoi istorii «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // *Povesti o Kulikovskoi bitve*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. С. 406—448.

Dmitriev L. A. Obzor redaktsii «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // *Povesti o Kulikovskoi bitve*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. С. 449—480.

Dmitriev L. A. Opisanie rukopisnykh spiskov «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // *Povesti o Kulikovskoi bitve*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. С. 481—509.

Dmitriev L. A. Vstavki iz «Zadonshchiny» v «Skazanii o Mamaevom poboishche» kak pokazateli po istorii teksta etikh proizvedenii // «Slovo o polku Iгоре» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla: K voprosu o vremeni napisaniia «Slova». Moskva; Leningrad: Nauka, 1966. С. 385—439.

Dmitrieva R. P. Teksty «Zadonshchiny» // «Slovo o polku Iгоре» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. Moskva; Leningrad: Nauka, 1966. С. 533—556.

Mann R. «Golovinskaia» redaktsiia «Skazaniia o Mamaevom poboishche» i ee znachenie dlia pamiatnikov Kulikovskogo tsikla // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2014. T. 62. S. 278—304.

Mann R. Pesn' o polku Igoreve: Novye otkrytiia. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2009. 95 s.

Mann R. Skazanie o Mamaevom poboishche: Zabytyi spisok Nikolaia Golovina // *Monuments of Early Russian Literature series*. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 2010. Vol. 8. P. 101—167.

Pamiatniki Kulikovskogo tsikla / Redaktory B. A. Rybakov, V. A. Kuchkin. Sankt-Peterburg: Blits, 1998. 412 s.

Povesti o Kulikovskoi bitve / Izdanie podgotovili M. N. Tikhomirov, V. F. Rzhiga, L. A. Dmitriev. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 511 s. (Literaturnye pamiatniki).

Romanov V. A. Ob odnom fragmente «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2001. T. 52. S. 596—599.

Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve / Izdanie podgotovili L. A. Dmitriev, O. P. Likhacheva. Leningrad: Nauka, 1982. 434 s. (Literaturnye pamiatniki).

Sokolova L. V. Soderzhal li avtorskii tekst «Skazaniia o Mamaevom poboishche» vstavki iz «Zadonshchiny»? (K voprosu o vzaimootnoshenii pamiatnikov) // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2017. T. 65. S. 101—121.

Tvorogov O. V. Golovin Nikolai Gavrilovich // *Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»*: V 5 t. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1995. T. 2: G—I. S. 39—40.

Vologodsko-Permskaia letopis' // *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. T. 26. 414 s.